

Сердце

В ЗАЛОГ

Анна Поспеева

Анна Поспеева

Сердце в залог

«Автор»

2026

Поспеева А.

Сердце в залог / А. Поспеева — «Автор», 2026

Брак по расчёту должен был стать решением всех её проблем. Виконт Уиндем получал желанные земли, а леди Виктория с детьми – защиту и будущее. Никто не планировал любви. Никто не ждал, что за стенами Уиндем-холла вспыхнет чувство, способное разрушить все условия сделки. Но у Виктории есть тайна – тайна, которую она хранит даже ценой собственного счастья. Когда прошлое является в лице шантажиста, а соперница угрожает занять её место, Виктория должна решить: довериться мужу или навсегда остаться заложницей лжи. Роман о добром женском сердце, способном изменить даже самого холодного мужчину, и о правде, которая либо спасёт, либо уничтожит всё.

© Поспеева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	45
Глава 12	51
Глава 13	56
Глава 14	62
Глава 15	66
Глава 16	70
Глава 17	75
Гла	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Анна Поспеева

Сердце в залог

Глава 1

Англия, Беркшир, июнь 1840-го года

Летний вечер выдался на редкость холодным и ветреным. Дождь, ливший целый день, к закату лишь немного стих. В кабинете родового поместья Уиндем-холл было тепло и уютно; треск поленьев в камине был единственным звуком, пока виконт Уиндем неспешно вскрывал конверты почты.

Дверь отворилась без стука. На пороге стоял его отец, граф Джеффри Харингтон. — А вот и ты, сын мой, — его низкий голос заполнил тишину комнаты. — Нам нужно кое-что обсудить.

Граф вошел в кабинет и тяжело опустился на диван. Глубокие морщины на его лице залегли еще резче в свете огня камина. Он провел рукой по волосам с густой проседью. В его руке был зажат лист бумаги.

— Я весь во внимании, отец, — Ричард не отрывал глаз от письма, лишь слегка нахмурил брови.

— Мне сегодня пришло письмо с одним... неожиданным предложением. И оно касается непосредственно тебя.

Виконт наконец поднял взгляд, поймав непривычно оживленный блеск в глазах отца, но промолчал.

— Это касается Хортона, — продолжил Джеффри, и на его губах дрогнула улыбка. — У тебя есть шанс заполучить его.

— О чем ты? — интерес перевесил досаду, и Ричард отложил бумаги. — Вдова Хортона решила продать земли?

— Нет, не продает. Она предлагает заключить брак. С определенными условиями.

Граф поднялся с кресла и подошел к массивному дубовому столику, где стояли хрустальные графины. Он налил в два бокала выдержанного виски и протянул один сыну.

— Ты это серьезно? — Ричард с недоверчивой усмешкой принял бокал.

— Вполне. Как я понял, леди Хортон переживает не лучшие времена. Граф скончался два года назад, средства тают, ферма не приносит дохода. Слуг распустили, гувернанток для детей — тоже. Поскольку она дала мужу слово не дробить и не продавать наследство, ей остался лишь этот путь. — Джеффри сделал паузу, глядя на сына с нескрываемым восхищением собственной дипломатией. — А тебе, Ричард, достанутся все земли Хортона: лучшая ферма в графстве и те самые охотничьи угодья, о которых ты грезил. Что скажешь?

Виконт молчал, но в груди у него вспыхнуло странное, почти мальчишеское волнение. Хортон. Он так долго мечтал о нём — и вот оно само шло к нему в руки.

— Превосходно. А еще — его вдова и двое чужих детей, — с горьковатой иронией заметил Ричард.

Он отложил бокал, подошел к высокому окну, за которым струился дождь. В его осанке, в каждом движении чувствовалась привычная власть и уверенность.

Владеть Хортоном... Эта мысль жгла его с юности. Вспомнился тот самый холм на границе их владений, с которого мальчишкой он смотрел на соседние земли. Уиндем-холл с его ухоженными полями и деревьями был родным домом. Но Хортон... Хортон был дикой, нетронутой мечтой. Там шумели древние леса, прятались в долинах озера, а холмы будто манили к себе. Став главой семьи, он не раз пытался выкупить хотя бы клочок той земли, но покойный граф был непреклонен и в конце концов прекратил всякое общение.

— И нет иного пути, кроме как жениться на этой даме? — Ричард обернулся к отцу. — Быть может, леди Хортон окажется сговорчивее покойного супруга и согласится просто продать имение?

— Сомневаюсь, — покачал головой Джеффри. — Во-первых, данное мужу слово для нее не пустой звук. А во-вторых, единовременная сумма от продажи не решит ее проблем надолго. Она ищет надежности и будущего для своих детей. Брак с тобой — ее единственная ставка.

— Каковы же условия этой ставки? — виконт пригубил виски, чувствуя, как алкоголь согревает холод внутри.

— Став ее мужем, ты получишь полное право управления всем поместьем и доходами с него. Но леди Хортон желает, чтобы фамильный дом в Хортоне, а также половина доходов от фермы были закреплены за ее детьми. Пожизненно.

— Вот как! — вырвалось у Ричарда, и в его глазах мелькнуло что-то твердое, почти хищное.

— Она пытается обеспечить их будущее. Я нахожу предложение более чем разумным. Если, конечно, ты не собрался посвататься к какой-нибудь светской львице, — Джеффри усмехнулся. — Но, зная тебя, сын мой, я сильно сомневаюсь, что ты вообще когда-либо женишься по доброй воле.

Виконт пропустил колкость мимо ушей. Его ум уже работал, взвешивая все «за» и «против». Хортон... Цельный, неделимый Хортон. Цена была высока, но и награда...

— Отец, а почему бы не тебе жениться на ней? — вдруг спросил он, вглядываясь в реакцию отца.

— О, нет! — Джеффри засмеялся. — Пожалей бедную женщину. Она, если я не ошибаюсь, младше тебя. Я наслаждаюсь покоем в своем маленьком поместье, и молодая жена с детьми мне ни к чему. Кроме того, Хортон — не моя мечта, Ричард. А твоя.

Ричард задумался, пытаясь вызвать в памяти образ леди Хортон, но тщетно. — Как она выглядит? Мы вряд ли знакомы.

— Неудивительно. При графе они редко появлялись в свете, а после его болезни и вовсе затворились. — Граф поднялся с кресла. — Что ж, я пойду. Обдумай все хорошенько.

— Подожди, — остановил его виконт. — Прежде чем принимать решение, я должен увидеть ее. Лично.

На лице Джеффри расцвела торжествующая улыбка. — Отлично. Завтра же я напишу ей и приглашу на обед. И тетушку Лидию тоже позовем, пусть составит компанию.

Выйдя из кабинета, граф Джеффри Харингтон был доволен. Наконец-то появился реальный шанс женить его единственного сына, упрямого холостяка, казалось, намеренно избегавшего любых уз.

Глава 2

За окном кареты проплывало величественное поместье Уиндем-холл, и Виктории на мгновение стало не по себе от этого зрелища. Серый камень, безупречные лужайки, стройные колонны у входа — всё дышало таким благополучием и прочностью, которых её собственный дом был лишен так давно. Даже воздух здесь казался другим — наполненным ароматом свежескошенной травы и дорогих цветов, высаженных в симметричных клумбах. Это была не просто усадьба, а воплощение многовекового богатства и власти, и Виктория чувствовала себя нищей родственницей, явившейся за подаванием.

Пятилетняя Джоанна и трёхлетний Генри, не ведая о материнских тревогах, радостно визжали, предвкушая, что наконец-то вырвутся из тесного экипажа.

Карета остановилась. Первым на подъезд выскочил слуга, но дверцу уже открывал сам граф Джеффри Харингтон. — Леди Хортон, добро пожаловать в Уиндем-холл! — Его голос звучал тепло, но взгляд был оценивающим.

Она приняла его руку, чувствуя, как под тонкой перчаткой холодеют её пальцы. И тогда она увидела его. Ричард Харингтон стоял на верхней ступени парадной лестницы, и в его осанке читалась неприступная уверенность хозяина этих земель. Дорогой, безупречно сидящий костюм подчеркивал его высокую, статную фигуру. Рядом с ним, словно серая мышка, терялась маленькая худощавая женщина — его тетушка леди Лидия Хёрт.

Пока Виктория поднималась по ступеням, Ричард успел её рассмотреть. Она была невысокой и до болезненности худой; строгое тёмно-серое платье без единого намёка на украшение лишь подчеркивало её бледность и усталость. Каштановые волосы были убраны в тугую пучок, что делало черты лица ещё более острыми. «Два года нищеты и отчаяния», — безжалостно заключил про себя Ричард. Но её дети, сбежавшие с служанкой в сад, выглядели румяными и довольными. Значит, эта женщина жертвовала всем ради них. Мысль была непривычной и заставила его насторожиться.

— Леди Хортон, — сухо произнес он, слегка склонив голову. — Надеюсь, дорога не слишком утомила вас? — О, благодарю вас, виконт Уиндем. Благодаря вашему экипажу мы доехали прекрасно, — её голос оказался на удивление мягким и мелодичным, а на губах дрогнула легкая, почти невидимая улыбка.

Ричард хотел отпустить её вежливым кивком и отвернуться — но не успел. Их взгляды встретились, и он вдруг заметил то, чего не разглядел с лестницы: в её тёмных глазах стояло не просто напряжение — в них была странная, неуместная здесь гордость. Женщина, которая приехала просить о браке по расчёту, смотрела на него как равная. Это зацепило его — на секунду, не больше, — вопреки рассудку и настрою. Он отвёл взгляд первым, раздражённый собственной заминкой.

Ричард не удостоил ответом. Вместо этого он жестом представил спутницу: — Позвольте представить мою тетушку, леди Лидия Хёрт.

Тетушка Лидия, не скрывая радостного любопытства, тут же обняла Викторию, увлекая её в дом. В просторной, залитой светом гостиной царил атмосфера недосказанности. Виктория заняла место на диване рядом с леди Хёрт, в то время как мужчины расположились в кожаных креслах. Церемония чаепития началась под звон хрусталя.

— Леди Хортон, мы несказанно рады видеть вас в Уиндем-холле, — начал Джеффри, с галантностью протягивая ей чашку с тонким, звенящим фарфором. — Сам факт вашего визита позволяет надеяться, что наши предложения не показались вам... лишенными смысла? — Они были изложены с предельной ясностью, милорд, — мягко, но с достоинством парировала Виктория. — И условия, внесенные в договор, я внимательно изучила. — И они вас устраивают? —

уточнил Джефри, пристально глядя на нее. — В целом — да, — её взгляд на мгновение скользнул в сторону Ричарда, который молча наблюдал за ней, ничем не выдавая своих мыслей.

— Превосходно! — воскликнул Джефри. — Тогда, полагаю, нам остаётся лишь назначить дату церемонии и пригласить адвокатов для подписания бумаг в тот же день. И, конечно, составить список гостей!

Леди Хёрт, заслышав о гостях, тут же принялась наперебой с братом обсуждать, кого из окрестных аристократов стоит пригласить.

Виктория снова посмотрела на Ричарда. Он сидел неподвижно, его лицо было маской холодной отстранённости. И в этот момент она поняла, что не может позволить решить свою судьбу в этом легкомысленном обсуждении. — Милорд, леди Хёрт, — её голос прозвучал тихо, но так, что все сразу замолчали. Она повернулась к Ричарду. — Прежде чем обсуждать детали, я хотела бы поговорить с вами наедине. Если вы не возражаете.

В гостиной повисла тишина. Ричард медленно поставил на стол недопитый бокал. — Разумеется, — отозвался он, поднимаясь. Его взгляд наконец встретился с её — тёмным, твёрдым, полным скрытой решимости. — В таком случае, леди Хортон, я приглашаю вас прогуляться в сад.

Он протянул ей руку. На этот раз — не как хозяин гостю, а как будущий муж — будущей жене. И Виктория, сделав глубокий вдох, приняла её.

Они вышли в сад и медленно пошли по дорожке, ведущей к пруду. Воздух был напоен запахом влажной земли и цветущего жасмина, но ни один из них не был расположен наслаждаться этим.

— Итак, леди Хортон, вы хотели поговорить с глазу на глаз, — наконец нарушил молчание Ричард. — Я весь во внимании.

Виктория собралась с духом, глядя на его профиль. — Виконт Уиндем, я понимаю суть нашей сделки. Но мне важно знать, что вы думаете на этот счет?

Ричард замедлил шаг и повернул к ней удивленное лицо. — Простите, я не совсем понимаю.

— До сего дня все переговоры вел граф Харингтон, — объяснила она, тщательно подбирая слова. — Вы — молодой, богатый человек, имеющий возможность сделать блестящую партию. Вам нет нужды связывать себя браком с... женщиной в моем положении. Я не хотела бы, чтобы этот союз стал для вас источником сожалений.

Он полностью остановился, и его пронзительный взгляд заставил ее внутренне сжаться. — Вас искренне беспокоит мое будущее счастье, леди Хортон? — спросил он мягко, но в его тоне сквозила легкая насмешка.

— Меня беспокоит мысль, что, женившись на мне, вы навсегда лишите себя возможности обрести любовь, — выдохнула она, глядя ему прямо в глаза. — И я не хочу нести на себе бремя вашего разочарования всю оставшуюся жизнь.

Уголок его губ дрогнул в подобии улыбки. — Что ж, будьте спокойны. На это соглашение я пошел по своей воле и вполне осознанно. Вижу в нем для себя ряд неоспоримых преимуществ.

— Неоспоримых преимуществ? — повторила она, не понимая.

— Разумеется. Помимо земель Хортон, о которых я, не стану скрывать, грезил с детства, этот брак дарует мне нечто куда более ценное — свободу. — Он сделал паузу, давая ей осознать его слова. — Я обожаю путешествовать, леди Хортон. За последний год я побывал в Италии, Греции и Египте. И уже через пару месяцев планирую отправиться в новое странствие. Брак по любви, о котором вы печетесь, неизбежно стал бы цепью на моей ноге. В то время как наш союз... Я надеюсь, вы достаточно благоразумны, чтобы не интересоваться моими личными делами и не ждать меня у камина с вязанием.

Он шагнул ближе, и его взгляд стал жестким, почти предупреждающим. — Что касается наследников... Пока что этот вопрос меня не интересует. И, полагаю, в ближайшие годы интересоваться не будет. Так что можете вычеркнуть и это из списка своих тревог.

Виктория почувствовала, как по ее щекам разливается румянец от сдержанного гнева и унижения. Но она лишь кивнула, сохраняя ледяное спокойствие. — Мои интересы также ограничены, милорд. Я хочу, чтобы Хортон снова процветал. Если вы сможете навести там порядок и обеспечить доход с фермы, я буду жить там с детьми и не стану обременять вас своим присутствием.

— О Хортоне можете не беспокоиться, я вложу в него все силы и средства, — он отклонил ветку сирени, преграждавшую путь. — Однако после свадьбы вам придется провести некоторое время здесь, в Уиндем-холле, дабы избежать ненужных пересудов и пока идет ремонт в вашем доме. Когда же я отправлюсь в путешествие, вы сможете вернуться в Хортон. Это вас устраивает?

— Вполне, — тихо ответила Виктория.

— Тогда наше дело решено. — Он предложил ей руку, и теперь его тон снова стал светским и бесстрастным.

Она приняла его руку, и они молча направились к дому. Сделка была заключена. Оба получили то, чего хотели. Но почему-то на душе у Виктории было так же холодно и пусто, как в заброшенных залах ее родного поместья.

После недолгого обсуждения решили, что свадьбу сыграют уже в это воскресенье, и что Виктория с тетушкой Лидией отправятся в Лондон — подбирать свадебный гардероб. После общего обеда гости уехали, и обитатели Уиндем-холла собрались в гостиной за вечерним чаем.

— Не правда ли, она просто очаровательна! — воскликнула тетушка Лидия, с упоением размешивая сахар в чашке. — А эти дети — просто ангелочки! — Полностью с тобой согласен, сестра, — поддержал Джефри, с довольным видом откинувшись в кресле. — Порядочная, скромная, приятная во всех отношениях особа. — И совсем не выглядит на свои годы! — подхватила Лидия. — Верно. Маленький рост и миловидные черты придают ей юности, — кивнул Джефри. — А какая жертва ради детей! — воскликнула тетушка, прижимая руку к груди. — Подумать только — отдать свою руку и жизнь ради их благополучия! Хотя, конечно, ей несказанно повезло, — Лидия бросила многозначительный взгляд на племянника, — что ее судьбой занялся наш Ричард. На его месте мог оказаться кто угодно... — Она содрогнулась, представив нечто ужасное, и тут же с улыбкой спросила: — Милый мой, что же ты молчишь? Поделись, какое впечатление произвела на тебя леди Хортон?

Ричард, до сих пор стоявший у окна с недоумением слушал этот разговор. Его собственные мысли шли вразрез с всеобщим восхищением.

— Не разделяю вашего восторга, тетушка. Ничего примечательного. Самая заурядная особа, — прозвучал его раздраженный ответ.

— Что?! — Лидия отставила чашку с таким грохотом, что едва не разбила блюдце. — Да вы, племянник, просто слепы! Вы разве не видели этих великолепных каштановых волос? А ее глаза — большие, выразительные, полные грусти и благородства!

— Дело в том, что Ричард всегда питал слабость к высоченным белокожим блондинкам, — с усмешкой вставил Джефри, подмигивая сестре.

— Именно, — холодно подтвердил Ричард. — Но дело не только во внешности. Что до этой пресловутой «жертвы»... По-моему, прекрасный предлог, чтобы избежать участи, которая ей явно грозила. Ещё немного — и пришлось бы обходиться без слуг: самой и стряпать, и убирать, и нянчиться с детьми. Перспектива, как видно, не прельстила. Куда проще найти состоятельного мужа, который разом уладит все затруднения, чем учиться справляться с ними самой.

— Ричард! — всплеснула руками тетушка Лидия, и на ее лице появилось редкое для нее выражение гнева. — Как ты смеешь так говорить о леди! Я уверена, ты глубоко заблуждаешься. Она боролась одна два долгих года!

— Значит, боролась крайне нестарательно, — отрезал Ричард, поворачиваясь к ним. Его лицо было непроницаемо. — Не вижу непреодолимых трудностей. Нанять компетентного управляющего, наладить работу фермы, получать стабильный доход... Женщины с меньшим приданым справляются с этим успешно.

От этих слов тетушке Лидии стало дурно. Она опустилась на диван и судорожно достала флакон с нюхательными солями.

— Ричард, не забывай, что Виктория — молодая женщина, не искушенная в коммерции и управлении, — мягко, но настойчиво вступил Джеффри. — Тебе, мужчине, это понять сложно. Не всем дано вести хозяйственные дела.

— Я знаю немало вдов, которые управляют своими имениями не хуже любого мужчины, — парировал Ричард, и в его голосе впервые прозвучала холодная сталь. — Следовательно, леди Хортон не только неопытна, но и лишена деловой хватки, если за два года так и не смогла во всем разобраться.

Тетушка Лидия побледнела как полотно и уже не могла вымолвить ни слова, лишь беспомощно закатывала глаза.

Ричард заметил это и мгновенно осекся. Цена победы в этом споре была ему не по душе. Он подошел к тетушке, мягко взял ее руку и наклонился, чтобы поцеловать в лоб.

— Простите, тетушка, я, кажется, увлекся и расстроил вас. Мне пора заняться бумагами.

— Ричард... — прошептала она, смотря на него умоляюще. — Поверь мне, ты глубоко ошибаешься насчет нее.

Он ничего не ответил, лишь кивнул. Выйдя из гостиной и притворив за собой тяжелую дверь кабинета, Ричард почувствовал странную пустоту. Яростные аргументы, которые только что казались ему такими неоспоримыми, вдруг потеряли часть своей силы, оставив после себя лишь неприятный осадок. Но признаться в этом — даже самому себе — он бы не смог. Вместо этого он сел за стол и с силой развернул стопку счетов, пытаясь загнать назойливый образ больших, печальных глаз обратно в ту темноту, откуда он пришел.

Через два дня тетушка Лидия на карете Харингтонов прибыла в Хортон, и оттуда они с Викторией отправились в Лондон — подбирать свадебный гардероб. Все расходы, разумеется, любезно взял на себя Ричард, прекрасно понимая финансовую ситуацию своей невесты.

Ричард также отбыл в столицу, но предпочел сделать это в одиночестве. Заказав у портного строгий, но безупречный свадебный фрак и купив два золотых кольца, он направился к небольшому, но изящному дому на тихой улице. Здесь вот уже полгода на его содержании жила мадемуазель Марианна Бомонт. Дом был слишком хорош для незамужней женщины её положения и слишком скромн для виконта, который мог бы позволить себе больше, — идеальная декорация для жизни, которую она выбрала.

В гостиной его застала знакомая картина: Марианна сидела у окна, склонившись над письмом. Послеполуденное солнце выхватывало из полумрака ее высокую, статную фигуру и водопад длинных белокурых волос — воплощение того самого идеала холодной, скульптурной красоты, что всегда привлекал Ричарда.

— Марианна, я рад, что ты дома. Мне нужно с тобой поговорить, — его голос прозвучал громче, чем он планировал, нарушая тишину комнаты.

Он тяжело опустился в кожаное кресло и сбросил с плеч дорожный сюртук. Почти тут же в комнате появился дворецкий с кофе на серебряном подносе. Ричард молча принял чашку.

— Поговорить? О своей незапланированной женитьбе? — Марианна не подняла на него глаз, выводя изящные завитки на бумаге. Ее голос был ровен, но в нем не было и тени обычной приветливой теплоты.

— Как быстро, однако, путешествуют в нашем городе сплетни, — усмехнулся Ричард, отпивая глоток горького кофе. — У моего отца, я вижу, язык без костей, или твоя горничная успела подслушать мой вчерашний разговор?

— Неважно, — отрезала она, наконец отложив перо и поднимаясь. Она подошла к окну, скрестив руки на груди в защитном жесте. — Тебе правда необходимо жениться на ней, Ричард? Тебе мало твоих земель, твоего состояния? Мало... всего этого? — Она бросила взгляд на роскошную гостиную.

— Решение принято, моя дорогая, и обсуждению оно не подлежит, — его тон стал твердым и чуть раздраженным. — Я пришел сказать тебе, что мое новое положение ничего для нас не изменит. Ты можешь оставаться здесь столько, сколько пожелаешь. И я по-прежнему намерен отплыть в Америку через пару месяцев и хотел бы, чтобы ты меня сопровождала.

Марианна сжала губы. Истерика? Нет, это был верный путь потерять его навсегда. Он бежал от сцен и требований как от чумы, ценя в ней именно это необременительное спокойствие. Да и имела ли она право требовать? Он с первого дня был откровенен: никаких обещаний, никакого брака. Она, дочь обедневшего баронета, знала правила игры и приняла их, потому что альтернатива — скромная жизнь под крылом кузена, перешитые платья и вечная благодарность за кусок хлеба — пугала её больше, чем положение содержанки. Ричард предлагал ей роскошную жизнь, и она вошла в неё добровольно, надеясь, что со временем он полюбит её настолько, что забудет о своём нежелании жениться. И всё же... глупая, наивная надежда, что именно она для него станет исключением, теплилась в сердце все эти месяцы. Теперь и она угасла.

Несколько секунд тягостного молчания повисли в воздухе. Затем Марианна медленно подошла к столику с напитками, ее движения были отточены и полны театральной грации. Она наполнила два бокала выдержанным хересом и с тем же неестественным спокойствием вернулась к Ричарду, протягивая ему один.

— Что ж, — ее губы тронула горьковатая, но обезоруживающая улыбка. — Тогда выпьем. За твою брачную сделку. И за мою неизменную прописку в этом роскошном доме.

Она легким, привычным движением опустила к нему на колени, обвила руками шею, и ее пальцы слегка впились в его волосы. Она поцеловала его. Протест был исчерпан. Она сделала свой выбор — выбор в пользу комфорта, безопасности и сиюминутных наслаждений.

— Вот за эту твою мудрость я тебя и ценю, — с облегчением произнес Ричард, отвечая на поцелуй.

Ночь он провел в лондонском доме, а на следующее утро его карета уже мчалась по дороге в Уиндем-холл, увозя его от столичной жизни к новым, еще неведомым обязанностям.

Глава 3

В день свадьбы к покосившимся воротам Хортонa были поданы две кареты. Одну, с детьми, служанкой и скромным скарбом, отправляли напрямик в Уиндем-холл. Второй, парадной, предстояло доставить саму Викторию в небольшую церковь неподалеку. Таково было распоряжение Ричарда: ему не хотелось, чтобы детские шалости и смех отвлекали от серьезности церемонии.

Перед отъездом Виктория в последний раз окинула себя взглядом в зеркале. Белое приталенное платье, убрaнное тонкой вышивкой, выглядело скромно, но достойно. Оно было далеко от роскошных нарядов, которые с восторгом примеряла на нее тетушка Лидия, но Виктория настояла на своем. Этот наряд не лгал. Он как нельзя лучше соответствовал сути происходящего — деловой сделке, прикрытой тонким флером святости.

Едва карета тронулась, небо почернело и обрушилось на землю сплошной стеной воды. Ливень бил по крыше экипажа с таким грохотом, что заглушал стук копыт. Вскоре лесная дорога превратилась в месиво из грязи. Карета кренилась, подпрыгивала на ухабах, и с каждым мгновением тревога в груди Виктории сжималась в тугую, ледяную комок.

Внезапный толчок, отчаянный крик кучера — и экипаж накренился, застыв на месте. Одно из колес намертво увязло в размытой колее.

— Никак не вытяну, мэм! — прошепелявил промокший насквозь кучер, уже отчаявшись справиться с вздыбленными дышлом лошадьми. — Придется ждать, пока кто не подъедет!

Виктория высунулась из окна, и ей в лицо хлестнула ледяная вода. Она могла опоздать? Дать Ричарду Харингтону малейший повод усомниться в ее надежности? Нет. Этого не должно было случиться.

— Я пойду пешком, — сказала она, и ее голос прозвучал удивительно ровно.

— Мэм! Да в такую-то погоду? В вашем платье! — ужаснулся кучер.

— Мое платье — ничто по сравнению с последствиями моего опоздания.

Выбравшись из кареты, она тут же погрузилась по щиколотку в холодную жижу. Тяжелый, намокший подол платья невыносимо тянул ее вниз. Она собрала его в охапку, подобрав выше грязи, и, не обращая внимания на протесты кучера, побрела по размытой дороге. Вода заливала лицо, стекала за воротник, мокрые пряди волос выбивались из некогда идеальной прически.

Она шла, спотыкаясь о невидимые под водой корни и камни, чувствуя, как грязь засасывает ее тонкие башмаки. Она замерла, глядя на грязь, вьевшуюся в символ чистоты и невинности. И в этот момент это показалось ей самым честным и горьким символом всего, что происходило с ней в этот день. Не было ни красоты, ни благоговения. Была только грязь реальности, через которую ей предстояло пройти до конца.

Сжав зубы, она вновь подобрала испорченное платье и, не оборачиваясь на отчаянные оклики кучера, зашагала дальше, навстречу своему жениху.

Ричард стоял у алтаря, и каждая секунда отстукивала в его висках назойливым эхом. Церковь была пуста и молчалива, если не считать приглушенных вздохов тетушки Лидии. Священник переминался с ноги на ногу, а Джеффри бросал на сына тревожные взгляды. Где она? Мысль, острая и ядовитая, впиалась в сознание Ричарда: она передумала. Вся его хитроумная комбинация, все его мечты о Хортоне — все это могло рухнуть в одно мгновение из-за каприза какой-то обнищавшей аристократки. Гнев, едкий и горячий, подступал к горлу. Земли, которые он считал уже почти своими, уплывали сквозь пальцы с каждой пропущенной минутой.

Больше он ждать не мог. Резко развернувшись, он направился к выходу, намереваясь найти эту женщину и силой притащить к алтарю, если потребуется.

Распахнув тяжелую дверь, он замер. Дождь как по команде прекратился, и в проеме он увидел ее. Не карету, а одинокую, согбенную фигуру, бредущую по размытой дороге. Мокрое платье безвольно облепило ее, тяжелый подол волочился по земле. Растрепанные волосы липкими прядями падали на лицо. Она была похожа на призрак, а не на невесту.

Ричард не сделал ни шага ей навстречу. Он оставался на пороге, впиваясь в нее холодным взглядом, всем своим видом демонстрируя леденящее недовольство. С трудом добравшись до него, она остановилась, пытаясь отдышаться.

— Простите, милорд... Дорога размыта... Карета застряла... — ее голос срывался от одышки и унижения.

— Вы что, решили отказаться от нашей сделки? — его вопрос прозвучал тихо, но обжигающе-холодно. В глазах читалась неподдельная ярость.

— Нет! Конечно, нет! — прошептала она, и ее собственные глаза наполнились слезами от стыда и усталости.

Но он уже не слушал. Его пальцы, твердые как сталь, сомкнулись на ее запястье.— Пойдемте.

— Милорд, подождите... Мое платье... Я должна привести себя в порядок! — попыталась она возразить, но он не остановился и повлек ее за собой в церковь, не обращая внимания на ее жалобный лепет.

— На это нет времени.

Он подтащил ее к алтарю и бросил священнику короткое:— Начинайте.

Все произошло как в лихорадочном сне. Виктория не помнила, как опустилась на колени, как ее рука оказалась в его холодной ладони. Слова клятв — «любить, почитать, заботиться» — доносились до нее как монотонный гул из-за толстого стекла. Она механически повторяла за священником, глядя на профиль мужа, в котором не было ни тени волнения или тепла.

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Ричард поднял ее с колен и нанес на ее губы быстрый, сухой поцелуй, больше похожий на формальную печать. Прежде чем обернуться к гостям, он тихо, но вполне внятно выдохнул: «Свершилось». И в этом вздохе слышалось не облегчение супруга, а торжество дельца, наконец-то поставившего подпись под долгожданным контрактом.

Он проводил ее до кареты, притворно галантно помог подняться на подножку.— Отправляйтесь в Уиндем-холл и приведите себя в порядок. Через полчаса я буду ждать вас у главной лестницы. Не опаздывайте.

Дверца захлопнулась. Кареты тронулись. А Ричард вскочил на коня и во весь опор помчался к тому самому холму на границе владений. Тому самому, с которого когда-то мальчишкой с завистью вглядывался в чужие леса и поля.

Теперь они были его. Все.

Настроение Виктории было подавленным. Сидя на краю кровати в незнакомой спальне, она ощущала себя так, будто ее подменили. Каждое движение требовало невероятных усилий. Ледяная строгость Ричарда резанула душу сильнее, чем любое открытое пренебрежение. «Он меня презирает, — пронеслось в голове. — Даже в одной карете со мной ехать не пожелал». Горестная мысль о том, что замужество стало роковой ошибкой, заставила ее сжаться. Нужно было немедленно написать сестре Лизи, выплеснуть на бумагу всю накопившуюся тоску и страх. Осознание, что они не виделись с тех пор, как Виктория вышла замуж за графа Хортонна — а прошло уже более пяти лет, — сдавило горло комом. Шотландия, где обитала Лизи с ее властным супругом, была для Виктории почти что другим миром, а письма оставались тонкой, хрупкой нитью, связывающей ее с прошлой, счастливой жизнью.

Ее мысли прервала служанка, бесшумно вошедшая в комнату. В руках девушка держала небольшую бархатную шкатулку, расшитую причудливыми золотыми узорами.

— Миледи, — тихо произнесла она, — мне поручили помочь вам с платьем. И его сиятельство просили передать вам это. Он изволили пожелать, чтобы вы надели фамильные драгоценности.

Виктория молча взяла шкатулку. Внутри, на черном бархате, лежали изысканные украшения: диадема, усыпанная бриллиантами и сапфирами, массивное, но изящное кольцо и серьги. Камни холодно сверкали в свете ламп, словно подчеркивая безжизненность этого брака.

Сначала служанка возилась с испачканным платьем, счищая следы утреннего унижения, а потом Виктория позволила ей убрать свои волосы в сложную прическу и надеть драгоценности. Преображение было разительным. Платье, вычищенное и высушенное, сидело на ней безупречно. Диадема венчала ее голову, словно корона, а сапфиры в колье и серьгах трепетно оттеняли глубину ее глаз. В зеркале на нее смотрела не бедная вдова, а настоящая леди, но отражение казалось ей чужим, надетой маской.

Ричард ждал у подножия лестницы, беседуя с гостями. Услышав шаги, он обернулся. Первым порывом было сделать ей строгое замечание за очередное промедление, но слова застряли на губах. Он увидел перед собой не ту затравленную, серую мышь, что он тащил к алтарю, а женщину с гордо поднятой головой и грустными, неземными глазами, в которых читалась растерянность. Ее хрупкость, подчеркнутая великолепием драгоценностей его матери, вызвала в нем неожиданный приступ чего-то, похожего на уважение.

— Украшения моей матери... Идут вам куда больше, чем я мог предположить, — произнес он, и в его голосе впервые прозвучали нотки одобрения. Он протянул ей руку. — Пойдемте. Время представиться гостям.

В бальном зале собрался небольшой круг: в основном лондонские родственники, кузен с семьей и несколько друзей Ричарда. Церемония поздравлений прошла как в тумане. После того как Викторию представили последнему гостю, Ричард оставил ее на попечение тетушки Лидии и удалился с другом, Роджером.

— Твоя жена весьма недурна, — заметил Роджер, украдкой бросая взгляд на Викторию. — Я бы даже сказал, мила.

Ричард проследил за его взглядом, затем медленно повернулся сам. — При других обстоятельствах я бы, пожалуй, и не заметил ее, — отозвался он, отпивая виски. — Разве что эти сапфиры. Они того стоят.

— Ричард, тебе не угодить! — рассмеялся Роджер. — Что с ней не так? А, ну да, твой вкус... Тебе подавай эталон с картинки.

— Она слишком мала, — отрезал Ричард. — Почти на голову ниже меня.

— Зато у нее прелестное лицо и глаза... Говорит, сапфиры, а по-моему, ее глаза куда красивее, — подметил Роджер.

— Все это не имеет значения, — Ричард отставил бокал. — Важно лишь то, что теперь Хортон — мой.

Когда заиграла музыка, Ричард пригласил ее на танец. Обвивая ее стан рукой, он с удивлением отметил, насколько тонкой и хрупкой была ее талия. Для женщины, родившей двоих детей, это было поразительно.

За праздничным столом, уставленным яствами, они сидели рядом, но разделенные невидимой стеной. Ричард оживленно беседовал с отцом и гостями, Виктория же изображала интерес к болтовне тетушки Лидии.

— Виктория, о чем вы так задумались? — наконец обратился к ней Ричард, заметив ее неподвижность. — Вы совсем не едите.

Она повернула к нему бледное лицо, и в ее глазах стояла такая бездонная грусть, что его на мгновение передернуло. — Я думаю о том, что на моем месте должна была бы сидеть

другая, — тихо ответила она. — Та, что была бы достойна вас. Вы заслуживаете большего, чем этот брак.

Ее слова не тронули его, а разозлили. Он аккуратно поставил бокал, наклонился к ней так, чтобы его слова слышала только она, и прошептал с ледяной вежливостью:— Осмелюсь вы высказать эту благородную мысль до бракосочетания, у церковных врат, я, быть может, и женился бы на вас — уже за одно это. Но теперь, когда дело сделано, ваши сожаления не только бесполезны, но и оскорбительны.

Он снова взял бокал. Внешне он оставался спокоен, но Виктория кожей чувствовала его гнев.

— Простите, милорд, — поспешно сказала она, отступая. — Это был долгий день, и я очень устала.

— Когда гости разойдутся, вы можете идти отдыхать, — ответил он, и в его голосе снова появилась привычная отстраненность. — Я не стану вас беспокоить.

Глава 4

Голос служанки прозвучал как набат, нарушая тягостный покой, в котором Виктория пыталась укрыться.— Миледи, вы все еще спите?

Она молча отвернулась к стене, всем видом показывая, что не желает вставать. Мысли о вчерашнем дне и словах мужа кружились в голове, не давая уснуть до самого рассвета. Лишь под утро тяжелый, беспокойный сон сморил ее.

Поздно вечером, после отъезда гостей, она навестила детей. Те сладко спали в незнакомой детской, и вид их безмятежных лиц одновременно успокоил и растрогал ее. Поцеловав их, она вернулась в свою одинокую спальню и провела бессонную ночь, вновь и вновь перебирая в памяти унижительные события дня и ледяные слова Ричарда. Уснула она, когда за окном уже светало.

— Миледи, умоляю вас, вставайте, — настойчиво прошептала служанка, входя в комнату. — Я помогу вам одеться. Завтрак подадут ровно в девять.

Пять минут десятого Виктория вошла в столовую. Ричард уже сидел за столом, погруженный в чтение газеты. На столе стояла нетронутая приборная пара на противоположном конце — молчаливое свидетельство дистанции, которую он установил между ними.

— Доброе утро, милорд.

Ричард медленно опустил газету. Его взгляд скользнул к часам на каминной полке, задержался на секундной стрелке, а затем устремился на нее. Холодный, оценивающий, он, казалось, замерял не только ее опоздание, но и то, как сидит на ней это простое серое платье, как убраны волосы.

— Вы опоздали, Виктория, — произнес он, и его голос прозвучал ровно и бескомпромиссно. — В этом доме завтрак подают в девять. Обед — в два, ужин — в шесть. Буду признателен, если впредь вы станете соблюдать установленный распорядок.

— Хорошо, милорд, — кивнула она, опускаясь на стул, который ей подал дворецкий. Она уже начинала понимать, что внешнее спокойствие — ее единственная защита.

— Мистер Хиггинс, где мои дети? — тихо спросила она. — Я заходила в детскую — она пуста.

— Дети будут завтракать в малой столовой, — ответил Ричард, откладывая газету. — А вы будете делать это здесь. Со мной.

Услышав это, ее сердце сжалось от боли и протеста. Она инстинктивно втянула воздух, чтобы возразить, но вовремя поймала на себе стальной взгляд мужа.

«Терпи, — приказала она себе, сжимая под столом пальцы. — Всего месяц. Потом мы уедем домой, и все вернется на круги своя».

Она попыталась найти хоть какую-то тему для разговора, пока он пил кофе, но слова застревали в горле. Наконец, собравшись с духом, Виктория произнесла:— В вашем доме по утрам удивительно тихо.

Ричард опустил газету ровно настолько, чтобы встретиться с ней взглядом.— Здесь всегда тихо, — ответил он бесстрастно. — И я ценю эту тишину.

Он допил кофе, отложил газету и подошел к окну. Постояв так несколько минут, он внезапно развернулся и приблизился к ней. Он сделал паузу у ее стула, наклонился так близко, что она почувствовала запах его одеколона и свежего кофе, и произнес почти что в ухо, тихим, интимным тоном, который резко контрастировал с его предыдущей холодностью:

— Надеюсь, мое отсутствие в вашей спальне прошлой ночью не стало для вас... разочарованием?

Виктория резко повернулась к нему. Ее глаза расширились от шока, а по щекам разлился горячий румянец. Она почувствовала, как кровь ударила в лицо.

— Нет, милорд, нисколько, — выпалила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Вы же сами говорили, что вопрос наследников вас пока не интересует. Меня это вполне устраивает.

— Вот и превосходно, — он выпрямился, и на его губе на мгновение мелькнула тень чего-то, похожего на усмешку. — В таком случае, полагаю, мы достигли полного взаимопонимания. Я буду в своем кабинете. Если вам что-то потребуется, обращайтесь к мистеру Хиггинсу. Доброго дня.

С этими словами он развернулся и вышел, оставив ее одну в огромной, вдруг ставшей еще более пустынной, столовой.

После завтрака Виктория отправилась гулять с детьми в сад. Стояла прекрасная солнечная погода, и золотистый свет заливал изумрудные лужайки. Дети резвились, их счастливый смех эхом разносился по окрестностям, а Виктория неспешно бродила рядом, любуясь ухоженными клумбами и редкими растениями. Каждый уголок этого сада был продуман до мельчайших деталей, создавая гармоничный пейзаж, который невозможно было не оценить.

После прогулки Виктория решила осмотреть ту часть дома, которую еще не видела. В левом крыле она обнаружила уютную гостиную с камином и дверью, ведущей в зимний сад.

Она замерла на пороге, пораженная открывшимся зрелищем. Оранжерея, целиком выполненная из стекла и темного дерева, была наполнена пышной зеленью и экзотическими цветами. Воздух был влажным и ароматным. Плетеная мебель — кресла, диваны, изящные столики — создавала ощущение тепла и уюта, идеально вписываясь в эту близкую к природе атмосферу. Виктория представила, как здесь должно быть хорошо зимой, когда за стеклом бушует вьюга, а внутри царит вечное лето.

Под впечатлением от увиденного, с легкой, почти забытой улыбкой на губах, Виктория направилась в столовую. Ричард уже ждал ее.

— У вас сегодня цветущий вид, — заметил он, и в его голосе прозвучало неподдельное любопытство, когда она входила в комнату. — Как вы провели утро? Надеюсь, не изнывали от скуки?

— О, что вы, милорд! Я получила огромное удовольствие! Ваш дом... он просто изумителен, — воскликнула она с таким искренним восхищением, что Ричард невольно улыбнулся. Ему было приятно, что она смогла по достоинству оценить его труд. Ведь он вложил столько сил в реконструкцию этого старомодного поместья, стремясь придать ему изысканность и комфорт.

Весь обед Виктория с неподдельным жаром делилась впечатлениями, а Ричард, отложив вилку, внимательно слушал ее. Он не просто слышал слова о высоких потолках и лепнине — он видел, как преображается ее лицо, и с удивлением ловил себя на мысли, что это преобразование доставляет ему странное удовольствие. Впервые за все время знакомства он видел ее не напуганной вдовой или уставшей матерью, а живой, восторженной женщиной. Когда она улыбалась, на ее щеках проступали очаровательные ямочки, а глаза сияли таким ярким блеском, что это придавало ей совершенно особое очарование.

— А что вы скажете о библиотеке на втором этаже? — поинтересовался он, наблюдая за ее оживленным лицом.

— Я ее еще не видела, — призналась Виктория. — Я успела осмотреть только восточное крыло.

— В таком случае, — его губы тронула легкая улыбка, — у нас будет что обсудить за ужином. Теперь прошу меня извинить, меня ждут дела.

С этими словами он встал из-за стола и вышел, оставив Викторию с приятным чувством предвкушения и новой, незнакомой теплотой на душе.

Виктория распахнула массивные дубовые двери и замерла на пороге, ощущая почти благоговейный трепет. Перед ней открывалось двухэтажное пространство в стиле барокко, отделанное темным резным деревом, от которого веяло теплом и вековой мудростью. Воздух был густым и сладковатым от аромата старой бумаги и кожи. Мягкий вечерний свет, проникая через высокие окна, ложился на уютные уголки для чтения, устроенные вокруг массивного камина из известняка. Каждая деталь, от искусной резьбы до тщательно продуманного расположения стеллажей, говорила о безупречном вкусе и особом трепете, с которым владелец относился к этому месту.

Она медленно прошла между высоких стеллажей, ее пальцы с почтительным любопытством скользили по книгам. Некоторые из этих томов были старше их семей на три столетия. Взяв один из тяжелых переплетов, она ощутила под пальцами шершавую кожу и, открыв его, увидела пожелтевшие страницы с рукописными заметками на полях. Это была не просто коллекция — это была живая история.

— Я так и знал, что найду тебя здесь, — раздался у входа его голос.

Виктория вздрогнула и обернулась. Ричард стоял, опершись о косяк, и наблюдал за ней с той самой улыбкой, в которой читалось и понимание, и одобрение. Сумерки уже заползли в комнату, окрашивая ее в таинственные сиреневые тона.

— И, судя по всему, ты увлеклась настолько, что забыла не только об ужине, но и о времени вообще, — заметил он, приближаясь.

Она сидела, поджав ноги, в углу глубокого дивана, и на ее лице застыло выражение задумчивого, умиротворенного спокойствия. Впервые за все время их знакомства он не видел в ее глазах ни тревоги, ни усталости — только глубокую, бездонную погруженность в другой мир.

— Да, — она смущенно улыбнулась. — Я совсем забыла.

Он подошел ближе и бережно взял книгу из ее рук. Его пальцы ненадолго коснулись ее кожи, и он перевернул том, чтобы взглянуть на корешок.

— "Путешествие по старой Англии", — прочитал он вслух и с легкой усмешкой поднял на нее взгляд. — Прямо скажем, не самое легкое чтение для первого знакомства с моей библиотекой.

— Откуда у тебя... все это? — выдохнула она, с трудом формулируя мысль, все еще находясь во власти прочитанного. Ее жестом очертила все пространство вокруг. — Это же... целая жизнь.

— Пойдем ужинать, — его голос прозвучал неожиданно мягко. — И я тебе расскажу. Все, что захочешь знать.

Он протянул ей руку, чтобы помочь подняться с дивана. На мгновение она заколебалась, затем приняла его руку. Его ладонь была теплой и твердой.

За ужином, после оживленного разговора о библиотеке и ее сокровищах, Ричард отпил вина и отставил бокал. Легкая, непринужденная улыбка сошла с его лица, уступив место более серьезному выражению.

— А теперь, — начал он, встречая ее взгляд, — мне бы хотелось обсудить кое-что важное. Он отпил вина, собираясь с мыслями.

— Мне нужно на несколько дней в Лондон. Возможно на неделю. Мой корабль «Ариадна» требует осмотра после последнего шторма. Но прежде я заеду в Хортон. Мне необходимо увидеть всё своими глазами — дом, ферму, и мельницу. Начать наводить порядок.

Виктория положила вилку, внимательно наблюдая за ним. Он выглядел погруженным в размышления, и она заметила легкую тень озабоченности на его лбу.

— Милорд, — тихо начала она, и он поднял на нее взгляд. — Я понимаю, сколько хлопот я на вас взвалила. Этот брак принес вам не только земли, но и груз проблем.

— Не называй это грузом, — возразил он, и в его голосе прозвучала неожиданная твердость. — Это ответственность. И я беру ее на себя вполне сознательно.

Он сделал паузу, изучая её реакцию. Раньше он просто поставил бы её перед фактом. Теперь ему вдруг показалось важным спросить.

— Ты не против, если я сначала осматрю всё один? Мне нужно составить четкий план, без лишних эмоций. А потом, — он слегка наклонился вперед, — мы могли бы съездить туда вместе. Ты покажешь мне всё, что считаешь нужным, и мы обсудим, с чего начать ремонт в доме. Я хочу, чтобы твое... чтобы наш дом снова засиял.

Слово «наш» выскользнуло неожиданно, но он не стал его поправлять. Виктория поймала это и ощутила странное тепло в груди.

— Конечно, я не против, — ответила она. — Ты прав, нужен взгляд со стороны. А потом... да, я с удовольствием поеду с тобой. Мне есть что показать. — Она помолчала, подбирая слова. — Ричард, у меня есть к тебе просьба. В моем кабинете, в верхнем ящике бюро, лежит пачка писем. Я жду вестей от сестры... и, наверное, уже скопилась корреспонденция за время моего отсутствия. Не мог бы ты забрать их? А также передать мои письма дворецкому, мистеру Корнеру. Он знает, как их отправить.

— Мистер Корнер, — повторил Ричард, кивнув. — Хорошо. Я с ним познакомлюсь и дам необходимые распоряжения. Ты же понимаешь, — его взгляд стал деловым, но без прежней холодности, — что теперь всё управление и персонал в Хортоне переходят под мое начало.

— Я понимаю, — тихо сказала Виктория. — И доверяю твоему умению наладить всё к лучшему.

Её слова «доверяю» застали его врасплох. Он кивнул, чуть смущенный.

— Тогда приготовь письма сегодня. Я уезжаю на рассвете.

— Я сделаю это сразу после ужина.

Они доели молча, но тишина между ними уже не была прежней — тягостной и ледяной. Она была наполнена общим пониманием, началом общего дела. Когда они встали из-за стола, Ричард на секунду задержался у её стула.

— Спасибо за вечер, Виктория. И за разговор о библиотеке.

— Это я должна благодарить, — улыбнулась она, и в её глазах снова мелькнул тот самый живой блеск, который он начинал ценить. — Путешествие начинается. Пусть оно будет удачным.

Он проводил её взглядом до двери, а затем медленно направился в кабинет. Мысли о предстоящих делах — корабль, ферма, мельница, ветхий дом — уже выстраивались в четкий план действий. Но поверх этого плана лёг лёгкий, едва уловимый отпечаток: образ женщины в библиотеке, с книгой в руках и лицом, озарённым не страхом, а интересом. И он понял, что возвращаться в Уиндем-холл теперь он будет по-другому. Здесь его ждало не только поместье, но и человек, с которым, возможно, было о чём поговорить.

Перед тем как отойти ко сну, Ричард вспомнил о письмах. Будить Викторию на рассвете, когда он будет уезжать, казалось ему грубым. Лучше сделать это сейчас.

Он постучал в дверь, соединявшую их спальни. Через мгновение она приоткрылась.

Виктория стояла на пороге, залитая мягким светом лампы у туалетного столика. На ней был простой вечерний халат, а тяжелая волна каштановых волос ниспадала на плечи и спину, смягчая острые черты ее лица.

- Ах, да, письма, — вспомнила она, и в её голосе прозвучала легкая досада. — Прошу прощения, я как раз запечатываю последнее. Одну минуту.

Она отвернулась и пошла к столику, оставив дверь открытой. Ричард замер на пороге, наблюдая, как она садится, как волосы скользят по её спине, отражая тёплый свет. Это была

не та ухоженная, но безжизненная красота, которую он ценил в свете. Это было что-то живое, настоящее, уютное.

Не отдавая себе отчета, он сделал несколько шагов в комнату и остановился позади неё. Его пальцы сами потянулись к шелковистой пряди, лежавшей на спинке стула. Он бережно приподнял её, ощутив подушечками пальцев прохладу и тяжесть волос. Он сам не понял, зачем это сделал. В зеркале он поймал её взгляд — удивлённый, настороженный, но без страха.

— Вам следует распускать волосы чаще, Виктория, — произнес он тихо, и его голос прозвучал непривычно низко, почти ласково. — Они вам очень идут.

Он поймал лёгкий румянец, выступивший на её щеках в зеркале, и это зрелище показалось ему бесконечно ценным. Осторожно отпустив прядь, он отступил на шаг, возвращая себе контроль.

— Письма можно оставить на консоли. Я заберу их утром. Не торопитесь. Спокойной ночи, Виктория.

Он вышел, закрыв за собой дверь, но образ её с распущенными волосами, тёплый и нежный, остался с ним, нарушая чёткий порядок его мыслей о завтрашнем отъезде.

Глава 5

Виктория проснулась с первыми лучами солнца. Первый её взгляд, ещё затуманенный сном, упал на консоль у двери. Писем не было.

Значит, он уже уехал. Зашёл, пока она спала, и унёс их — бесшумно, словно призрак собственного дома. Она попыталась представить, как это было: Ричард в дорожном сюртуке, осторожно ступая по ковру, берёт конверты, возможно, на мгновение задерживает взгляд на её спящей фигуре. Или нет — скорее всего, он действовал с той же деловитой отстранённостью, с какой делал всё остальное. Виктория откинулась на подушки и прислушалась к тишине дома. В ней больше не было того напряжения, что витало в воздухе, когда хозяин находился в своих владениях.

Эта мысль заставила её вздохнуть с облегчением.

За завтраком в малой столовой царила совсем иная атмосфера, чем в парадной зале. Здесь не было ни тяжёлого серебра, ни чопорной тишины, нарушаемой лишь звоном приборов и шелестом газеты. Джоанна, устроившись на высоком стуле, с восторгом рассказывала о сказочном сне, перемазывая пальцы клубничным джемом. Генри, напротив, сосредоточенно возил ложкой по тарелке с овсянкой, пытаясь выстроить из каши подобие крепостной стены. Их смех, звонкий и беззаботный, заполнял небольшую комнату, и Виктория, подкладывая детям тосты, ловила себя на том, что улыбается — искренне, без оглядки на невидимого наблюдателя.

Как странно, думала она, наблюдая за малышами. Всего несколько дней назад сам воздух Уиндем-холла казался ей пропитанным чужой волей, строгим распорядком, необходимостью соответствовать. А теперь, стоило хозяину уехать, дом словно выдохнул. И она вместе с ним.

После завтрака они отправились в сад. Стояло восхитительное июньское утро — одно из тех, что позволяют забыть о недавних холодных дождях. Воздух был напоен ароматом роз и свежескошенной травы, а лёгкий ветерок доносил с дальних полей запах нагретой солнцем земли. Дети с визгом носились по лужайке, а Виктория неспешно шла по гравийной дорожке, позволяя мыслям течь свободно.

Она думала о нём.

Это было нежеланное, навязчивое присутствие в её сознании, от которого она не могла избавиться. Перед глазами вновь и вновь возникала сцена вчерашнего вечера: Ричард, стоящий позади неё, его пальцы, касающиеся её волос. Этот жест — неожиданный, почти интимный — и его голос, вдруг потерявший привычную холодность. «Вам следует распускать волосы чаще, Виктория».

Она поймала себя на том, что снова и снова прокручивает в памяти его взгляд в зеркале. Тогда, в отражении, она увидела нечто новое — не оценку, не расчёт, а... интерес? Любопытство?

Ричард Харингтон был красив той сдержанной, мужественной красотой, что не бросается в глаза криливо, но завладевает мыслями исподволь. Его высокая фигура, уверенная осанка, редкая улыбка — всё это складывалось в образ, слишком притягательный для женщины в её положении. Опасный образ.

«Не смей», — строго сказала она себе, останавливаясь у куста белых роз. — Не смей даже думать об этом».

Подпустить его близко — значило подвергнуть риску всё. Не только своё сердце, но и нечто куда более важное. Тайну, что она хранила все это время. Если Ричард узнает... Нет, он не должен узнать. Для этого нужно держать его на расстоянии. Вежливо, мягко, но непреклонно. Пусть занимается землями, пусть наводит порядок в Хортоне, пусть даже даёт ей своё имя и защиту — но не более.

Она вернётся в свой старый дом с детьми, и всё станет как прежде. Только она, Джоанна, Генри и их маленький, уютный мирок, где нет места ни страхам, ни опасной близости.

— Миледи! — раздался голос, вырвавший её из задумчивости.

Виктория обернулась и увидела мужчину в простой, но добротной одежде садовника, с открытым, приветливым лицом. Он держал в руках небольшую лейку и смотрел на неё с тёплым любопытством.

— Прошу прощения, что прерываю ваши размышления, — произнёс он с лёгким, мелодичным акцентом. — Я Густав Боннар, главный садовник его сиятельства. Заметил, как вы любуетесь розами, и не смог удержаться, чтобы не подойти. Эти белые — особый сорт, «Роза Альба Максима», их выписали из самого Прованса.

— Очень рада знакомству, мистер Боннар, — Виктория приветливо кивнула. — Сад поистине великолепен. Я никогда не видела ничего подобного.

— О, мадам слишком добра, — Густав расплылся в довольной улыбке. — Но я всего лишь слуга, выполняющий волю хозяина. Его сиятельство очень требователен к саду, но и щедр на средства. Он говорит: «Густав, если растение достойно расти в Уиндем-холле, оно должно быть лучшим». И я стараюсь.

Виктория улыбнулась, представив Ричарда, отдающего подобные распоряжения.

— Давно вы здесь работаете?

— Уже семь лет, мадам. До этого я служил в поместье под Лионом, но его сиятельство, будучи проездом во Франции, увидел сады моего прежнего хозяина и сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться. — Глаза Густава лукаво блеснули. — С тех пор я здесь, творю красоту из английской земли и французской души.

Они медленно пошли по аллее, и садовник принялся рассказывать о каждом растении, мимо которого они проходили, — о капризных камелиях, что требовали особого укрытия на зиму, о древнем дубе, посаженном ещё прадедом нынешнего графа, о коллекции пионов, что должны были зацвести со дня на день. Виктория слушала с искренним интересом, задавала вопросы, и Густав, явно польщённый её вниманием, отвечал с растущим воодушевлением.

— А у вас, миледи, был свой сад в прежнем доме? — спросил он вдруг, остановившись у небольшого фонтана.

Виктория на мгновение замялась.

— Сад... Скорее, мечта о нём, — тихо призналась она. — В моём поместье, в Хортоне, когда-то был парк, но за последние годы всё пришло в запустение. Я часто представляю, как однажды восстановлю его — посажу розы, быть может, устрою небольшой пруд с кувшинками, разобью клумбы с лавандой и шалфеем... Но сейчас на это, увы, нет средств.

Густав понимающе кивнул, и в его глазах промелькнуло сочувствие.

— Земля терпелива, мадам. Она умеет ждать. Когда-нибудь, я уверен, ваш сад расцветёт. И если позволите дать совет — начните с малого. Один куст, одна клумба, одно дерево. Остальное придёт со временем.

— Благодарю вас, мистер Боннар, — Виктория улыбнулась, чувствуя, как от этих простых слов на душе становится теплее. — Я непременно последую вашему совету. И, быть может, когда-нибудь попрошу вас взглянуть на мои скромные начинания.

— Это будет честью для меня, мадам, — Густав слегка поклонился. — А теперь прошу простить — меня ждут пионы. Желаю вам приятной прогулки.

Он удалился, а Виктория ещё долго стояла у фонтана, глядя на струи воды, играющие в солнечных лучах. Странное, давно забытое чувство — чувство покоя — постепенно заполняло её.

Неделя в отсутствие Ричарда пролетела незаметно. Дни потекли размеренно и уютно: утренние прогулки с детьми, чтение в библиотеке, тихие вечера в гостиной с вышивкой или книгой. Виктория с удивлением обнаружила, что ест больше обычного — не потому, что была

голодна, а потому что мистер Хиггинс, невозмутимый и исполнительный дворецкий, с каким-то особым рвением следил за её тарелкой.

— Миледи, вы почти не притронулись к ростбифу, — заметил он как-то за обедом, и в его бесстрастном голосе Виктории послышался едва уловимый укор. — Его сиятельство виконт Уиндем оставил чёткие распоряжения относительно вашего питания.

— Неужели? — Виктория подняла бровь, пытаясь скрыть улыбку. — И что же именно распорядился его сиятельство?

— Проследить, чтобы вы получали полноценное питание три раза в день, а также лёгкие закуски между трапезами. Он выразил обеспокоенность вашей... деликатной комплекцией.

Виктория почувствовала, как краска заливает щёки. Значит, он заметил. Заметил её худобу и счёл нужным отдать распоряжение, словно она была ещё одним пунктом в его хозяйственном плане. Это было и трогательно, и раздражающе одновременно.

— Что ж, передайте его сиятельству, когда он вернётся, что его забота не осталась незамеченной, — ответила она, стараясь сохранить нейтральный тон.

Однажды вечером, укладывая Генри спать, она вновь поймала себя на мыслях о муже. Где он сейчас? Добрался ли до Лондона? Проверил ли корабль? Заехал ли в Хортон, как обещал? Она представила его в старом доме, среди пыльных комнат и запущенного сада, — высокого, властного, раздающего указания мистеру Корнеру. Странно было думать, что сейчас он ходит по тем самым коридорам, где ещё недавно звучали её шаги и детский смех.

Скоро, очень скоро он вернётся. И тогда этот краткий миг свободы и покоя закончится. Вновь нужно будет следить за каждым словом, каждым жестом, прятать истинные чувства за маской вежливой покорности. И главное — хранить свою тайну.

Виктория закрыла глаза, и перед ней снова возник его образ: Ричард стоит в дверях спальни, в его руке — прядь её волос, а во взгляде — то новое, неразгаданное выражение. Она решительно тряхнула головой, прогоняя видение.

Она перевернулась на другой бок и заставила себя думать о саде. О розах, что однажды расцветут в Хортоне. О лаванде и шалфее. О том, что земля умеет ждать.

Как и она сама.

Глава 6

Возвращаясь из Лондона, Ричард велел кучеру с багажом следовать прямо в Уиндем-холл, а сам, сменив экипаж на верховую лошадь, свернул на старую дорогу, ведущую в Хортон. Ему не терпелось увидеть поместье собственными глазами — не из окна кареты, проезжающей мимо, а стоя на его земле, вдыхая его воздух, ощущая под ногами ту самую почву, что отныне принадлежала ему.

Утреннее солнце только начинало золотить верхушки деревьев, когда он въехал в покосившиеся ворота. Ричард спешил, привязал коня к старой коновязи и огляделся. Запустение, открывшееся его взору, превзошло самые мрачные ожидания. Дорожки заросли сорной травой, живая изгородь давно потеряла форму, превратившись в дикие заросли, а фасад старого дома, некогда, вероятно, величественного, теперь выглядел усталым и осунувшимся. Краска облупилась, ставни на нескольких окнах висели криво, а каменные ступени крыльца поросли мхом.

«Боже правый, — подумал он, медленно приближаясь к дому, — и в этой разрухе она жила два года. С двумя детьми. Одна».

На пороге его встретил мистер Корнер — высокий, сухой старик с белоснежными бакенбардами и цепким, хоть и усталым взглядом. Его сюртук, хоть и поношенный, был безупречно вычищен, а осанка хранила следы былой выучки. Дворецкий поклонился с тем достоинством, какое встречается лишь у старых слуг, помнящих дом в лучшие времена.

— Милорд, — произнёс он глуховатым, но твёрдым голосом. — Для меня честь приветствовать вас в Хортоне. Леди Виктория предупредила о вашем визите. Я к вашим услугам.

Ричард коротко кивнул и переступил порог.

Внутри дом производил ещё более гнетущее впечатление. В воздухе стоял запах сырости и старого дерева, мебель была покрыта чехлами, а в углах гостиной, куда они зашли первым делом, темнели пятна от протечек. Но даже сквозь этот тлен проглядывало бывшее благородство: изящная лепнина на потолке, дубовые панели, которые ещё можно было спасти, мраморный камин тонкой работы.

Они прошли по комнатам, и Ричард внимательно осматривал каждую деталь. Он не давал распоряжений немедленно — лишь иногда останавливался, хмурился, что-то отмечал про себя. Мистер Корнер следовал за ним молча, держа наготове маленький блокнот.

— Завтра сюда прибудет мой человек, мистер Грейвз, — произнёс наконец Ричард, когда они вернулись в холл. — Он опытный управляющий, я всецело доверяю ему ведение ремонтных работ. Ваша задача, Корнер, — показать ему всё, что я осмотрел, и передать мои указания.

Он остановился и принялся перечислять — чётко, по пунктам, словно диктовал деловое письмо:

— Крыша — в первую очередь. Пусть Грейвз найдёт лучших мастеров. Стены в гостиной просушить, панели отреставрировать. Здесь, — он указал на тёмное пятно у окна, — заменить балку. В спальнях на втором этаже сменить обои, что-нибудь светлое, но без излишеств. Всё остальное — на усмотрение Грейвза, он знает мой вкус.

Мистер Корнер торопливо делал пометки в блокноте. В его глазах, однако, читалось нечто большее, чем просто исполнительность, — робкая, ещё не смеющая проявиться надежда.

Закончив, Ричард достал из внутреннего кармана пачку писем.

— Это от леди Уиндем. Отправьте с ближайшей почтой. И передайте мне корреспонденцию, что пришла на её имя.

— Сию минуту, милорд.

Старик удалился и вскоре вернулся, неся несколько конвертов, перевязанных выцветшей лентой. Ричард взял их и, бросив взгляд на адреса, отметил, что по крайней мере два письма

были из Шотландии — от сестры, как он догадался. Он убрал письма во внутренний карман и направился к выходу.

Внезапно свет в холле померк. Ричард обернулся к окну и увидел, как с запада наползает тяжёлая, свинцово-серая туча, стремительно пожирающая остатки голубого неба. Где-то вдалеке глухо пророкотал гром.

— Вам бы переждать, милорд, — осторожно заметил Корнер. — Будет дождь.

— Я не могу терять время, — отрезал Ричард, выходя на крыльцо. — Ждите Грейвза завтра. И проследите, чтобы ему показали всё, что нужно.

Он вскочил на коня, и едва копыта застучали по дороге, как первые тяжёлые капли забарабанили по его плечам. Очень скоро дождь превратился в сплошную стену воды. Дорога мгновенно раскисла, превратившись в грязное месиво, конь с трудом перебирал ногами, а Ричард, пригнувшись к гриве, чувствовал, как ледяные струи затекают за воротник, пропитывают сюртук, рубашку, добираются до самого тела. Промок он до нитки — так, что вода хлюпала в сапогах, а одежда стала тяжёлой и холодной, словно доспех из сырой шерсти.

И всё же он гнал коня вперёд. Мысль о том, чтобы остановиться и переждать непогоду где-нибудь под деревом или в придорожной хижине, даже не пришла ему в голову. Дома ждали дела. Дома ждал его собственный кабинет, где всё было подчинено его воле и порядку.

К тому времени, как он въехал в ворота Уиндем-холла, дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Тяжёлые тучи уползли к востоку, и усадьбу залило яркое послеполюденное солнце. Капли воды сверкали на листьях и траве, словно россыпи бриллиантов, и от мокрой земли поднимался лёгкий, душистый пар. Ричард спешился, чувствуя, как холод пронизывает его до костей, и направился к дому.

На крыльце его встретил мистер Хиггинс. При виде хозяина, поднимающегося по ступеням в насквозь промокшей одежде, с которой ручьями стекала вода, безупречное лицо дворецкого на мгновение дрогнуло.

— Милорд! Вы промокли до нитки! Я немедленно распоряжусь приготовить горячую ванну. Вам необходимо согреться и переодеться.

— Ванна не нужна, — бросил Ричард, сбрасывая тяжёлый сюртук прямо в руки подошедшему лакею. — Я переоденусь. И у меня дела.

— Но, милорд...

— Хиггинс, — Ричард остановился и посмотрел на дворецкого тем самым взглядом, который не терпел возражений. — Я сказал: ванна не нужна.

Через четверть часа, уже в сухой одежде, он вошёл в свой кабинет. Привычный запах кожи, дерева и старых книг встретил его успокаивающей тишиной. Он сел за массивный стол, разложил бумаги, обмакнул перо в чернильницу... и замер.

Сквозь приоткрытое окно в кабинет ворвался звук, которого он никогда прежде здесь не слышал. Звонкий, залиvistый детский смех. Лай щенка — тонкий, задиристый, полный щенячьего восторга. И ещё один смех — мягкий, мелодичный, женский.

Смех Виктории.

Ричард поднялся и подошёл к окну. То, что он увидел, заставило его остановиться и замереть, забыв о бумагах и неотложных делах.

На залитой солнцем лужайке, сверкающей от недавнего дождя, Виктория играла с маленьким рыжим щенком. Пёс, захлёбываясь радостным лаем, носился вокруг неё, подпрыгивал, пытаясь ухватить за подол платья, а она, подобрав юбки, с лёгким смехом уворачивалась, делая вид, что убегает. Джоанна и Генри с визгом бегали рядом, и вся эта сцена — золотой свет, мокрая трава, счастливые голоса — казалась выхваченной из какой-то другой, незнакомой ему жизни.

Он стоял и смотрел, не в силах отвести взгляд. Виктория — не бледная, усталая женщина, которую он вёл к алтарю, а живая, раскрасневшаяся, с выбившимися из причёски локонами,

с ямочками на щеках от улыбки — была неузнаваема. И этот шум, этот смех, эта возня — всё это, оказывается, пришло в его дом вместе с ней. В его дом, где годами царила тишина, нарушаемая лишь шагами слуг да скрипом половиц.

Дверь отворилась, и мистер Хиггинс бесшумно внёс поднос с горячим чаем.

— Поставьте здесь, — не оборачиваясь, произнёс Ричард.

Он взял чашку и снова устремил взгляд в окно.

— Хиггинс, — сказал он после паузы, и в его голосе прозвучали незнакомые даже ему самому нотки, — пригласите леди Уиндем ко мне в кабинет. И... уберите эту собаку. Её лай отвлекает меня от работы.

Дворецкий поклонился и вышел. Ричард продолжал наблюдать. Он видел, как Хиггинс подошёл к Виктории, как склонился в почтительном поклоне и что-то сказал. И как в одно мгновение её лицо переменилось. Улыбка погасла, ямочки исчезли, плечи выпрямились, а взгляд — ещё секунду назад сияющий — стал серьёзным, почти напряжённым. Она повернула голову и посмотрела прямо на окно кабинета. На него.

Через минуту дверь кабинета отворилась, и Виктория вошла. Она остановилась у порога, сложив руки перед собой, как примерная ученица перед строгим наставником.

— Вы хотели меня видеть, милорд?

Он не ответил сразу. Его взгляд скользнул по её лицу, отмечая то, чего он не видел раньше. Румянец на щеках. Несколько влажных локонов, прилипших к виску. В глазах — ещё не угасший до конца блеск, смешанный с тревогой. Она выглядела... иначе. Живее. Моложе. Красивее.

— Я привёз вам письма, — произнёс он наконец, беря со стола пачку конвертов и протягивая ей. — И передал ваши. Мистер Корнер отправит их завтра же.

Она приняла письма, и её пальцы чуть дрогнули, когда она увидела знакомый почерк сестры.

— Благодарю вас, милорд.

— Ваш дом в ужасающем состоянии, — продолжил он, возвращаясь к столу. — Завтра туда прибудет мой управляющий, мистер Грейвз. Я распорядился начать ремонт немедленно. Крыша, стены, гостиная, спальни. Через месяц там можно будет жить, не опасаясь, что потолок рухнет на голову.

Виктория кивнула, не поднимая глаз.

— Как ваш корабль, милорд? — спросила она тихо, словно пытаясь сменить тему на более безопасную.

— «Ариадну» почти привели в порядок. Думаю, через месяц, если не возникнет задержек, я смогу отправиться в плавание.

Повисла пауза. Ричард смотрел на неё, она — на письма в своих руках. Наконец он произнёс, возвращая голосу привычную деловитость:

— Можете идти, Виктория. У меня много работы. Встретимся за ужином, и я расскажу вам о Хортоне подробнее.

Она уже повернулась к двери, но вдруг замерла и снова взглянула на него. В её глазах мелькнуло то самое выражение, которое он видел в зеркале в тот вечер, — смесь робости и какой-то отчаянной решимости.

— Милорд... тот щенок. Он такой славный, и дети так к нему привязались. Можно... можно мы оставим его?

Она смотрела на него с такой трогательной мольбой, что на мгновение перед ним оказалась не вдова с двумя детьми, заключившая брак по расчёту, а маленькая девочка, мечтающая о собаке. Её глаза блестели, брови чуть сдвинуты, губы приоткрыты в ожидании приговора.

Ричард почувствовал, как что-то внутри него — та самая стена, что он старательно возводил все эти дни, — дала крошечную трещину.

— Хорошо, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал сухо. — Только не играйте под окнами моего кабинета. Это отвлекает.

На лице Виктории отразилась такая гамма чувств — недоверие, вспыхнувшая радость, благодарность, — что Ричард на мгновение растерялся. А затем она сделала то, чего он никак не ожидал. Она чуть подпрыгнула на месте — совсем по-детски, едва удержавшись, чтобы не захлопать в ладоши. Её глаза засияли, и на губах расцвела та самая улыбка, которую он видел из окна, — открытая, светлая, живая.

Он поймал себя на том, что улыбается в ответ. Совсем чуть-чуть, одними уголками губ. Но всё же.

Виктория, заметив это, тут же взяла себя в руки. Она выпрямилась, снова став сдержанной леди, и сделала лёгкий книксен.

— Благодарю вас, милорд. Мы будем играть в дальнем конце сада.

Она вышла, тихо притворив за собой дверь, а Ричард остался стоять посреди кабинета. За окном снова послышался детский смех — теперь удаляющийся, переместившийся куда-то к пруду. Лай щенка стал тише.

Он вернулся к столу, взял перо и попытался сосредоточиться на счетах. Но перед глазами всё ещё стояла она — раскрасневшаяся, с растрёпанными локонами.

Ричард решительно тряхнул головой и обмакнул перо в чернила. Дела. Только дела. Всё остальное — лишь досадная помеха, которую следует игнорировать.

Глава 7

К назначенному часу Виктория спустилась в гостиную. Она надела простое вечернее платье тёмно-синего цвета и тщательно убрала волосы, не позволив себе ни единого выбившегося локона. В конце концов, ужин с мужем был не развлечением, а частью их негласного соглашения: соблюдать приличия, пока она остаётся в Уиндем-холле.

Однако у подножия лестницы её встретил мистер Хиггинс с выражением озабоченности на обычно бесстрастном лице.

— Миледи, — произнёс он, слегка поклонившись, — его сиятельство просил передать, что не присоединится к вам за ужином. Он неважно себя чувствует и уединился в свою спальню.

— Я понимаю, — ответила она ровным голосом. — Передайте на кухню, что я поужинаю в малой столовой с детьми.

Вечер прошёл тихо. Она почтала Джоанне и Генри сказку, уложила их спать и вернулась в свою комнату. Но сон не шёл. Она сидела у окна, глядя на серебристую от лунного света лужайку, и прислушивалась к звукам дома. Обычно в этот час всё затихало, но сегодня из коридора доносились шаги — торопливые, приглушённые. Слуги ходили чаще обычного.

Виктория накинула шаль и вышла в коридор. Дверь в спальню Ричарда была приоткрыта, и оттуда пробивалась полоска жёлтого света. Она колебалась лишь мгновение, а затем решительно направилась туда.

В комнате царил тяжёлая, влажная духота. Камин был растоплен так, словно на дворе стоял январь, а окна плотно закрыты. Ричард лежал на кровати, откинувшись на подушки; его лицо, обычно такое волевое и спокойное, сейчас пылало нездоровым румянцем, а дыхание было частым и поверхностным. Мистер Хиггинс стоял у изножья кровати, беспомощно глядя на хозяина, а горничная с мокрым полотенцем мялась у дверей.

— Что здесь происходит? — спросила Виктория, и её голос прозвучал неожиданно твёрдо.

Мистер Хиггинс обернулся, и на его лице отразилось явное облегчение.

— Миледи, у его сиятельства сильный жар. Мы уже послали за доктором Уэллисом, но дорога размыта после ливня, и он будет не раньше утра. Я пытался сбить жар, но...

Он беспомощно развёл руками.

Виктория подошла ближе и коснулась лба Ричарда. Кожа горела, как раскалённый камень. В этот момент он закашлялся — глубоким, сухим, рвущимся откуда-то из груди кашлем, — и что-то в этом звуке заставило её похолодеть. Слишком знакомый звук. Слишком страшные воспоминания.

Но страх она отбросила мгновенно. Сейчас нужна была не испуганная вдова, а женщина, которая два года боролась за жизнь умирающего мужа и знала, что делать.

— Откройте окна, — скомандовала она, и в её голосе появилась та самая сталь, что удивила бы любого, кто знал её лишь как тихую, скромную леди. — Немедленно. В этой комнате нечем дышать.

— Но, миледи, — запротестовала горничная, — доктор всегда говорит...

— Доктора здесь нет, а я — есть. Откройте окна. И уберите это тяжёлое одеяло. Принесите сухие простыни и лёгкое покрывало.

Мистер Хиггинс, поколебавшись лишь секунду, кивнул горничной, и через минуту свежий ночной воздух ворвался в комнату. Виктория глубоко вздохнула, чувствуя, как прохлада касается разгорячённого лица. Ричард на кровати пошевелился и снова закашлялся — теперь чуть мягче, но всё ещё тревожно.

Виктория подошла к бюро, взяла листок бумаги и быстро написала несколько строк. Она протянула листок дворецкому.

— Мистер Хиггинс, передайте это на кухню. Здесь рецепт грудного отвара. Ромашка, багульник, календула, фиалка, солодка и мята. Пусть заварят немедленно и принесут сюда, как будет готово.

Дворецкий взял листок, пробежал глазами по ровным строчкам и коротко кивнул. Читать он, разумеется, умел — старая школа слуг, служивших ещё при отце Ричарда.

— Будет исполнено, миледи.

Он вышел, а Виктория осталась у постели.

Ночь превратилась в бесконечную череду одних и тех же действий. Жар то отступал, и тогда Ричард дрожал под лёгкой простынёй, жалуясь на холод; то возвращался с новой силой, и она меняла влажные от пота простыни, помогала мистеру Хиггинсу переодеть хозяина в сухую рубашку, поила его отваром, когда он ненадолго приходил в себя. Дворецкий, позабыв о своей обычной чопорности, беспрекословно выполнял все её указания. Вдвоём они боролись за то, чтобы болезнь не взяла верх.

В редкие минуты затишья, когда Ричард забывался тяжёлым сном, Виктория сидела в кресле у камина и смотрела на его лицо. В полумраке, смягчавшем резкие черты, он казался моложе и беззащитнее. Она ловила себя на мысли, что боится. Не за дом, не за своё положение, не за будущее детей. За него. За этого чужого, в сущности, мужчину, который за несколько недель успел стать частью её жизни — пугающей, непредсказуемой, но частью. Если он умрёт, она потеряет нечто большее, чем просто опекуна и источник дохода. Она потеряет шанс. На что — она пока не знала и боялась додумывать.

Один раз, уже глубокой ночью, Ричард открыл глаза. Взгляд его был мутным, затуманенным жаром, но в нём мелькнуло удивление.

— Пить, — прошептал он пересохшими губами.

Чьи-то руки поднесли к его губам кружку с прохладной водой. Он сделал несколько глотков, и только потом, когда кружка отстранилась, разглядел, кто перед ним. Не горничная. Не Хиггинс. Виктория. Её лицо было бледным от усталости, под глазами залегли тени, а волосы, обычно убранные в строгий пучок, рассыпались по плечам. Она смотрела на него с тревогой и какой-то упрямой нежностью.

Он хотел что-то сказать, но силы оставили его, и он снова провалился в тяжёлое, лихорадочное забытие.

Виктория поправила простыню, укрывая его плечи, и вернулась в кресло. Она не собиралась уходить. Она знала, что самые опасные часы — предрассветные, когда силы больного на исходе. И она осталась. Сама не заметив как, под утро, когда небо за окном начало сереть, она уснула, свернувшись в кресле и уронив голову на подлокотник.

Первый луч солнца, пробившийся сквозь шторы, заставил её вздрогнуть и проснуться. В комнату как раз входил мистер Хиггинс с подносом, на котором дымились чашка свежего чая и стояла тарелка с лёгким завтраком.

Виктория тут же вскочила, поправила волосы и первым делом направилась к окну. Она раздвинула тяжёлые шторы, впуская в комнату поток утреннего света и прохладного, чистого воздуха. Ричард на кровати пошевелился и медленно открыл глаза.

На этот раз взгляд его был ясным. Усталым, но осмысленным.

Он обвёл комнату взглядом: открытые окна, лёгкое покрывало вместо прежнего тяжёлого одеяла, поднос в руках дворецкого, кресло у камина со смятой подушкой. И Виктория — всё в том же вчерашнем платье, с растрёпанными волосами и кругами под глазами, — стоящая у окна.

— Что вы здесь делаете? — спросил он, и в его голосе, несмотря на слабость, прозвучало искреннее недоумение.

— Леди ухаживала за вами всю ночь, милорд, — ответил за неё Хиггинс, ставя поднос на столик у кровати. — Она не отходила от вас ни на минуту. Лично написала рецепт отвара, меняла простыни и давала указания. Если бы не она, жар, боюсь, было бы не сбить.

Ричард перевёл взгляд на жену. Она стояла, сложив руки перед собой, и смотрела на него с тем же тревожным ожиданием, что и ночью. Он нахмурился, всё ещё не вполне понимая, почему её присутствие здесь кажется ей самой таким естественным, а ему — таким чужеродным.

— Виктория, тебе незачем было оставаться здесь на всю ночь, — произнёс он, и в его голосе прозвучало не раздражение, а скорее растерянность человека, столкнувшегося с чем-то, что не укладывается в его картину мира. — Ничего страшного не произошло. Всего лишь лихорадка. Я не собираюсь умирать.

Он сказал это легко, почти небрежно — как говорят о дожде, который пройдёт к утру. И не заметил, как вздрогнула Виктория.

Слово «умирать» ударило её, словно пощёчина. Он произнёс его так просто, так обыденно, даже не подозревая, что для неё это слово уже много лет не было обыденным. Оно пахло лекарствами, звучало тихим, прерывистым дыханием и оканчивалось рассветом, в который Уильям уже не проснулся.

Она смотрела на Ричарда — живого, раздражённого своей слабостью, уверенного, что лихорадка не стоит её тревог, — и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Не от обиды. От глухой, безнадежной пропасти между ними. Он не понимал. Он просто не понимал, почему она сидела здесь всю ночь, почему меняла ему простыни, почему поила отваром. Для него это было излишеством, ненужной жертвой. Для неё — единственным способом не сойти с ума от страха, что история повторится.

— Вы невыносимы, милорд, — произнесла она тихо, но так, что каждое слово прозвучало отчётливо и холодно.

И вышла из комнаты, не оглядываясь.

Повисла тишина. Ричард смотрел на закрывшуюся дверь, всё ещё не вполне понимая, что произошло. Он ведь не сказал ничего дурного. Он всего лишь хотел, чтобы она не волновалась.

— Милорд, — голос Хиггинса прозвучал непривычно мягко, почти укоризненно, — вы были несправедливы. Леди Виктория не отходила от вас всю ночь. Она так переживала за вас, что я никогда не видел ничего подобного. Она не спала ни минуты до самого рассвета.

Ричард перевёл взгляд на дворецкого. В его голове медленно, с трудом, словно сквозь остатки тумана, начало складываться понимание. Слово «умирать». Он сказал «умирать». Ей. Женщине, чей первый муж умер от болезни. Женщине, которая провела два года, борясь за его жизнь, и проиграла.

Он не хотел её обидеть. Он вообще не думал о том, что его слова могут как-то задеть её. Он просто сказал правду, как видел её сам: он не умирает, это всего лишь лихорадка, незачем было сидеть здесь всю ночь. Но она услышала другое. Услышала, что её страх — пустой, её забота — излишняя, а её прошлое — то, о чём можно говорить с такой же лёгкостью, как о погоде.

Укол совести был острым и неприятным. Он, всегда гордившийся своим умом и умением просчитывать ходы, повёл себя как последний болван. Нет, хуже — как человек, который даже не заметил, что сделал больно.

Через несколько минут дверь снова отворилась. Виктория вошла, держа в руках чашку с дымящимся отваром. Лицо её было спокойным, но в глазах ещё читалась та самая затаённая боль, которую он успел разглядеть.

Она подошла к кровати и протянула чашку.

— Вам нужно выпить это. Отвар поможет с кашлем.

Ричард не взял чашку. Вместо этого он накрыл её руку своей. Его пальцы, ещё горячие от остатков жара, мягко, но настойчиво сжали её ладонь — и он заметил, какие они холодные. Она замёрзла. Всю ночь просидела в кресле у едва тёплого камина, укрывая его, поила его, меняла простыни — и даже не подумала о себе.

— Прости меня, Виктория, — сказал он со странной, неожиданной искренностью. — Ты права. Когда я болею, я невыносим. Я не хотел тебя обидеть. Я... я благодарен тебе за заботу. Правда благодарен.

Она взглянула на него, и что-то в её глазах смягчилось. Она не улыбнулась, но лёд, сковавший её черты, начал таять.

— Я прощу вас, милорд, — ответила она тихо, — если вы выпьете этот отвар. Обещаю, он быстро поставит вас на ноги.

Ричард принял чашку и с сомнением заглянул внутрь. Отвар пах травами — горьковато, терпко, но не неприятно.

— И всё же, — произнёс он, глядя на неё уже без насмешки, — зачем ты это сделала? Сидела со мной всю ночь. Ты ведь могла просто послать за доктором и лечь спать.

Виктория опустила глаза, разглядывая пустую чашку в своих руках.

— Потому что я знаю, каково это — болеть одному, — ответила она наконец. — И каково это — ухаживать. Я не могла оставить вас в таком состоянии. Даже если бы хотела.

Ричард долго смотрел на неё. В утреннем свете, падающем из окна, её лицо казалось почти прозрачным, а тени под глазами — глубже. Она была измучена, но не жаловалась. Она сделала то, что считала правильным, даже не ожидая благодарности.

— Спасибо, — сказал он просто. Без иронии.

Виктория подняла взгляд и встретила с его глазами. Впервые за всё время их знакомства между ними повисла тишина, в которой не было напряжения.

— Отдыхайте, милорд, — сказала она мягко. — Доктор Уэллис скоро прибудет. А я... я, пожалуй, приведу себя в порядок. Увидимся позже.

Он закрыл глаза и провалился в сон — на этот раз здоровый, спокойный, без лихорадочных видений. А когда проснулся через несколько часов, первое, о чём он подумал, было не состояние корабля, не ремонт в Хортоне и не деловые письма. Он подумал о Виктории. И о том, что, кажется, он совсем её не знает. Но хочет узнать.

Глава 8

Доктор Уэллис прибыл вскоре после завтрака — грузный, седовласый мужчина с усталыми, но внимательными глазами и саквояжем, потёртым от долгих лет службы. Его провели в спальню Ричарда, где уже ждала Виктория, успевшая привести себя в порядок, но всё ещё бледная после бессонной ночи.

Осмотр был коротким и дотошным. Доктор слушал дыхание, считал пульс, хмурился, кивал и, наконец, выпрямился, удовлетворённо поглаживая бакенбарды.

— Что ж, милорд, должен признать — вам повезло, что рядом оказалась столь компетентная сиделка. Жар сбит вовремя, лёгкие чисты. Ещё день-два покоя, и будете как новенький.

Ричард, уже успевший натянуть на себя халат и пересест в кресло, скептически хмыкнул.

— День-два? У меня дела, доктор. Корабль, поместье...

— Дела подождут, — отрезал Уэллис тоном, не терпящим возражений. — Если, конечно, вы не хотите, чтобы лёгкая лихорадка обернулась воспалением лёгких. Я видел достаточно молодых людей, которые считали себя бессмертными.

Он перевёл взгляд на Викторию, и его суровое лицо вдруг смягчилось. В глазах мелькнуло узнавание.

— Леди Уиндем... Простите, я не сразу вас признал. Мы ведь встречались раньше, не так ли?

Виктория кивнула, и в её голосе прозвучала тёплая нотка.

— Да, доктор. Вы были коллегой моего покойного мужа, графа Хортон. Он всегда высоко отзывался о вас.

— Граф Хортон, — Уэллис покачал головой, и в его взгляде промелькнула искренняя печаль. — Прекрасный врач и достойный человек. Я скорбел, когда узнал о его кончине. — Он помолчал, затем улыбнулся. — Впрочем, теперь я понимаю, почему его сиятельство так быстро пошёл на поправку. Вы не только переняли рецепты мужа — отвар, которым вы поили виконта Уиндема, составлен безупречно. Я бы и сам прописал то же самое. Вас можно назвать прирождённой целительницей.

Он повернулся к Ричарду, снова становясь деловитым.

— Итак, милорд. Отвар — каждые два часа, пока кашель не станет мягче. Затем — три раза в день, до полного исчезновения симптомов. И покой. Я заеду через три дня.

Ричард поморщился, но спорить не стал. Доктор откланялся, а Виктория проводила его до дверей, чувствуя странное облегчение от того, что её действия получили одобрение профессионала. И от того, что кто-то ещё помнил Уильяма добрым словом.

После обеда Ричард, разумеется, не выдержал. Лежать в кровати, когда в голове роились планы ремонта в Хортоне, сметы на оснастку «Ариадны» и неразобранная корреспонденция, было выше его сил. Он перебрался в кабинет, заверив встревоженного Хиггинса, что «работа в кресле ничем не отличается от безделья в постели».

Он как раз углубился в письмо от мистера Грейвза с первыми отчётами о ремонте, когда дверь отворилась и вошла Виктория. В руках у неё была чашка с дымящимся отваром, а на лице — выражение спокойной, непоколебимой решимости.

— Ваш отвар, милорд.

Ричард поднял голову, вздохнул, но спорить не стал. Он взял чашку, сделал глоток, поморщился — вкус за ночь не стал приятнее — и вернул её.

— Благодарю.

Виктория кивнула и вышла.

Через два часа она появилась снова. Ричард как раз писал ответ Грейвзу, и её появление заставило его отвлечься на полуслове. Он молча выпил отвар, на этот раз даже не поморщившись, и вернулся к письму.

Ещё через два часа, когда она вошла в третий раз, он уже ждал её. Часы на каминной полке только что пробили четыре.

— Вы следите за временем с точностью королевского гвардейца, — заметил он, принимая чашку.

— Доктор Уэллис велел каждые два часа, — спокойно ответила она. — Я всего лишь выполняю предписание.

— Доктор Уэллис не сидит в моём кабинете и не видит, что я совершенно здоров, — проворчал Ричард, но отвар выпил.

Виктория забрала пустую чашку и, не сказав ни слова, удалилась.

К шести часам, когда она появилась в четвёртый раз, его терпение иссякло. Он отложил перо, откинулся в кресле и посмотрел на неё с выражением мученика, которого заставляют слушать одну и ту же сонату в сотый раз.

— Виктория, ваша забота становится навязчивой. Я чувствую себя значительно лучше. Право, вы могли бы дать мне хотя бы час покоя.

Она поставила чашку на край стола и скрестила руки на груди. В её глазах мелькнул тот самый огонёк, который он уже начал узнавать, — смесь упрямства и едва сдерживаемой улыбки.

— Доктор Уэллис сказал — каждые два часа. Значит, каждые два часа.

— Вы как назойливая муха, — вырвалось у него, и он тут же понял, что сказал лишнее.

Виктория замерла. На мгновение ему показалось, что она снова обиделась, но затем уголки её губ дрогнули, и она медленно направилась к двери. У самого порога она обернулась, и в её голосе прозвучала насмешливая, но совершенно обезоруживающая интонация.

— Если я назойливая муха, милорд, тогда вы кто? Горшок с мёдом, к которому она липнет?

И вышла, оставив Ричарда с открытым ртом и странным чувством, что его только что поставили на место — но так изящно, что он не мог на это сердиться.

Он смотрел на закрытую дверь, и на его губах медленно расцветала улыбка. Горшок с мёдом. Надо же.

К ужину прибыли гости. Граф Джеффри Харингтон и леди Лидия Хёрт, как выяснилось, держали путь в Лондон и решили сделать остановку в Уиндем-холле, чтобы проведать сына и заодно поужинать. Тетушка Лидия, едва узнав о болезни, разразилась потоком восклицаний, упрёков и советов, которые Ричард выслушивал с видом человека, привыкшего к подобным бурям.

За столом царил оживлённый разговор. Джеффри расспрашивал сына о состоянии «Ариадны» и планах путешествия, Ричард отвечал коротко, но охотно. Виктория, сидевшая напротив, больше молчала, но время от времени ловила на себе взгляд мужа — не холодный и оценивающий, как прежде, а какой-то... изучающий. Словно он пытался разглядеть в ней что-то, чего не замечал раньше.

Когда подали десерт, тетюшка Лидия, до этого момента увлечённо обсуждавшая с братом лондонские новости, вдруг перевела взгляд на Викторию и всплеснула руками.

— Дорогая моя! Я только сейчас обратила внимание — вы всё ещё в старом платье! Ричард, — она повернулась к племяннику с выражением праведного гнева, — это неслыханно! Твоя жена до сих пор ходит в старых вещах, а сезон уже открылся! Вас ждут в Лондоне, а ей не в чем показаться в приличном обществе!

Ричард, до этого рассеянно вертевший в пальцах бокал с вином, поднял глаза. Он перевёл взгляд на Викторину, которая слегка покраснела от неловкости, затем на тетушку, и в его голове, кажется, что-то щёлкнуло.

Он поднялся из-за стола, подошёл к окну и несколько мгновений смотрел на сгущающиеся сумерки. Затем обернулся, и на его губах играла та самая лёгкая, почти неуловимая усмешка, которая появлялась у него в минуты, когда он принимал какое-то неожиданное решение.

— Тетушка Лидия, — произнёс он, и в его голосе прозвучала непривычная живость, — почему бы вам не взять Викторину с собой прямо сегодня? Вы едете в Лондон, у вас безупречный вкус — поможете ей с гардеробом. Пусть выберет всё, что сочтёт нужным.

Леди Лидия просияла так, словно ей только что преподнесли лучший подарок в жизни.

— О, Ричард! Это великолепная идея! Виктория, дорогая, вы согласны?

Виктория перевела взгляд с сияющей тетушки на мужа, который всё ещё стоял у окна, и что-то в его позе — расслабленной, почти довольной — заставило её сердце пропустить удар. Она поднялась из-за стола и медленно подошла к нему.

— Хотите избавиться от назойливой мухи? — спросила она тихо, так, чтобы слышал только он.

Ричард повернул голову, и их взгляды встретились. В его глазах плясали искорки — не холодные, как прежде, а живые, тёплые, почти озорные.

— Уверяю вас, милорд, — продолжила она, понизив голос до шёпота, — вы дорого заплатите за это.

Он улыбнулся — открыто, без привычной иронии, — и чуть склонил голову.

— Не в чём себе не отказывайте, дорогая жена. Я всё оплачу. А чтобы вы не волновались о моём здоровье в отсутствие, я попрошу мистера Хиггинса проследить, чтобы я пил отвар.

Виктория приподняла бровь, и в её глазах мелькнул лукавый огонёк.

— Думаю, с мистером Хиггинсом я договорюсь куда быстрее, чем с вами, милорд. Он, в отличие от некоторых, умеет слушать.

Ричард тихо рассмеялся — коротким, неожиданным смехом, которого она никогда прежде не слышала.

— Не сомневаюсь. Вы уже переманили моего дворецкого на свою сторону. Боюсь представить, что будет, когда вы вернётесь из Лондона.

— Вам остаётся только гадать, — ответила она с улыбкой.

За их спинами тетушка Лидия уже щебетала о модистках, тканях и фасонах, а граф Джеффри с довольным видом допивал вино. Но в этот короткий миг между Ричардом и Викторией повисло что-то новое — лёгкое, как дуновение ветра, и тёплое, как первый луч солнца после долгой зимы.

Через час карета, увозившая Викторину, тетушку Лидию и графа Джеффри в Лондон, скрылась за поворотом подъездной аллеи. Ричард стоял на крыльце, провожая её взглядом. Вечерний воздух был прохладен, но он не спешил возвращаться в дом.

Когда карета окончательно исчезла из виду, он развернулся, прошёл в кабинет и сел за стол. Отчёт Грейвза всё ещё лежал перед ним. Он взял перо, попытался сосредоточиться на цифрах — и не смог.

В доме было тихо. Слишком тихо. Ни детского смеха, ни лая щенка, ни её шагов в коридоре. Всего час назад эта тишина показалась бы ему благословенной передышкой. Теперь она отчего-то казалась пустой.

Он одёрнул себя. Глупости. Он годами наслаждался одиночеством. Работа — вот что важно. Корабль, ремонт, бумаги. Всё остальное — временное помутнение, вызванное лихорадкой и усталостью.

Ричард решительно склонился над отчётом. Но перед тем как провалиться в сон уже далеко за полночь, он поймал себя на мысли, что думает вовсе не о делах. А о том, какое платье она выберет в Лондоне. И вспомнит ли, как он сказал: «Не в чём себе не отказывайте».

Глава 9

Лондонский дом тетушки Лидии на тихой, увитой плющом улице близ Кенсингтон-гарденс оказался именно таким, каким Виктория его представляла: уютным, чуть старомодным, наполненным ароматом сушёных розовых лепестков и воска для мебели. Комнаты здесь были невелики, но обставлены с тем безупречным вкусом, который выдавал хозяйку — женщину, никогда не гнавшуюся за модой, но всегда остававшуюся элегантной.

Утро следующего дня началось с решительного наступления тетушки Лидии на модные лавки Оксфорд-стрит и Бонд-стрит. Виктория, ещё не отошедшая от вчерашней дерзости — «вы дорого заплатите за это» — и от собственного удивления, что Ричард не только не рассердился, но и поощрил её к тратам, пребывала в странном, почти мстительном настроении. Он назвал её назойливой мухой? Что ж. Муха обойдётся ему недёшево.

Она выбирала платья с какой-то холодной, почти деловой решимостью. Одно — дымчато-розовое, с тонкой вышивкой по лифу. Второе — небесно-голубое, из струящегося шёлка, которое тетушка Лидия объявила «совершенно необходимым для визитов». Третье — лимонное, из лёгкого батиста, идеальное для летних прогулок. Она уже готова была остановиться, решив, что трёх нарядов более чем достаточно для женщины, которая через месяц вернётся в Хортон и вряд ли будет часто выезжать в свет.

Но тетушка Лидия только загадочно улыбалась, сидя в кресле с чашкой чая, который ей любезно предложили хозяева лавки. И когда Виктория, удовлетворённая выбором, направилась к выходу, леди Хёрт едва заметно кивнула продавщице.

— Упакуйте всё, что леди мерила. Всё до последнего шарфа.

Виктория резко обернулась.

— Леди Хёрт! Но я же выбрала только три!

— Дорогая моя, — леди Лидия поднялась и поправила кружево на манжете, — вы теперь леди Уиндем. Привыкайте. Три платья — это гардероб гувернантки, а не хозяйки Уиндем-холла. К тому же, — она лукаво прищурилась, — Ричард велел вам ни в чём себе не отказывать. А я редко получаю от племянника столь приятные распоряжения.

Виктория хотела возразить, но продавщица — дородная женщина с цепкими, оценивающими глазами — уже скрылась за портьерой, унося ворох нарядов. Виктория заметила, как пристально та разглядывала её всё время, пока длилась примерка. Это не было обычное подбострастие перед богатой клиенткой. В этом взгляде сквозило что-то иное — жадное любопытство, почти бесцеремонное. Словно женщина сравнивала её с кем-то. Словно она знала что-то, чего Виктория не знала.

— Кто эта продавщица? — тихо спросила Виктория, когда они вышли на залитую солнцем улицу.

— Мадам Дюваль? О, она держит эту лавку уже много лет. Одевает половину лондонских леди. А что?

— Ничего, — Виктория покачала головой, отгоняя смутное беспокойство. — Просто она слишком пристально на меня смотрела.

Тетушка Лидия фыркнула.

— Ещё бы. Вы — леди Уиндем. А ваш муж, простите за прямоту, много лет считался одним из самых завидных холостяков Англии. Весь Лондон гадает, что вы за женщина. Привыкайте, дорогая. Теперь на вас будут смотреть. Всегда.

После обеда, загрузив в карету внушительных размеров багаж — тетушка Лидия настояла на том, чтобы все покупки отправились в Уиндем-холл немедленно, — Виктория попрощалась с графом Джеффри и леди Хёрт, которые оставались в Лондоне по своим делам, и отправилась домой.

Дорога прошла в полудрёме. За окном проплывали зелёные холмы, сменяясь полями и редкими деревушками, а Виктория думала о том, как странно повернулась её жизнь. Ещё месяц назад она была нищей вдовой, штопающей детские чулки при свете единственной свечи. Теперь она возвращается в поместье мужа с дюжиной новых платьев и приглашением на бал. И муж этот — человек, которого она боялась и не понимала, — вдруг начал смотреть на неё иначе. И говорить с ней иначе.

«Горшок с мёдом», — вспомнила она и улыбнулась, глядя в окно.

Когда карета въехала в ворота Уиндем-холла, солнце уже клонилось к закату, окрашивая каменные стены усадьбы в тёплые золотисто-розовые тона. Виктория вышла, разминая затёкшие ноги, и замерла.

У кромки небольшого озера, что пряталось в глубине сада, сидели две фигуры. Одна — маленькая, в светлой рубашонке и съехавшей набок шляпе, с удочкой в пухлых руках. Вторая — высокая, в простых тёмных брюках и белой рубашке с закатанными до локтей рукавами, без сюртука, без галстука, с волосами, чуть растрёпанными ветром. Ричард.

Он склонился к Генри, показывая, как правильно насаживать наживку на крючок, и говорил что-то негромкое, серьёзное. Мальчик слушал, сосредоточенно хмурия бровки, и пытался повторить движение. Чуть поодаль, на расстеленном пледе, сидела Джоанна с гувернанткой и, высунув от усердия кончик языка, рисовала что-то в маленьком альбоме.

Виктория медленно пошла к ним, чувствуя, как внутри что-то сжимается и теплеет одновременно. Она не могла поверить своим глазам. Ричард — тот самый Ричард, который говорил, что женится на ней ради земель, что брак для него — сделка, что он не намерен обременять себя семейной жизнью, — сидел на берегу озера и учил её сына ловить рыбу.

Услышав шаги, он поднял голову. И замер.

Виктория стояла перед ним в новом лимонном платье — лёгком, струящемся, подсвеченном косыми лучами вечернего солнца. Широкие поля шляпки отбрасывали тень на её лицо, но глаза сияли. Белые перчатки, изящная сумочка, лёгкий румянец на щеках — она выглядела иначе. Не просто наряднее. Она выглядела так, словно расцвела.

Ричард смотрел на неё и невольно залюбовался. Лимонный цвет удивительно шёл ей — он словно высветил её лицо изнутри, сделал глаза ярче, кожу теплее. Исчезла бледная, усталая вдова, с которой он шёл к алтарю под проливным дождём. Перед ним стояла молодая, цветущая женщина, и он впервые подумал, что, пожалуй, зря считал её «самой заурядной особой».

Дети, заметив мать, с радостными криками бросились к ней. Виктория опустилась на колени прямо на траву, не заботясь о новом платье, и обняла обоих разом — раскрасневшегося Генри, пахнущего озерной водой и солнцем, и Джоанну, прижимающую к груди альбом с рисунками.

— Мама! Смотри, какую рыбу я поймал! — Генри вырвался из объятий и побежал к ведёрку, стоявшему у воды. Он вернулся, держа обеими руками небольшую серебристую рыбку, и его глаза сияли от гордости.

— Это великолепный улов, мой дорогой! — Виктория поцеловала его в макушку и поднялась, отряхивая платье.

Она подошла к Ричарду, который тоже встал, отложив удочку. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

— Не могу поверить, что вы играете с детьми, милорд, — произнесла она наконец, и в её голосе прозвучало искреннее изумление.

— Мы не играем, — поправил он с напускной серьёзностью. — Мы ловим рыбу. А это дело серьёзное. Если Генри не поймает рыбу, у нас не будет ужина.

Он выдержал паузу, затем уголки его губ дрогнули.

— К счастью, он оказался способным учеником. Ужин спасён.

Виктория невольно улыбнулась. Его взгляд скользнул по ней снова — уже более открыто, без прежней отстранённости.

— Вы сегодня выглядите по-особенному, Виктория. Вам идёт этот цвет.

Она чуть покраснела и, вспомнив о чеках, торопливо достала их из сумочки. Протянула ему с виноватым видом, как провинившаяся школьница.

— Простите, милорд. Кажется, я потратила слишком много. Я не хотела, правда. Но тетушка Лидия настояла... и выбрала почти всё, что я мерила.

Ричард взял чеки, пробежал глазами по цифрам. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он думал о том, что Марианна за одно посещение ювелира тратит вдвое больше, не испытывая при этом ни тени смущения. А эта женщина стояла перед ним, краснея из-за нескольких платьев, которые он сам велел ей купить.

— Это пустяки, — сказал он. — Не волнуйтесь. Надеюсь, вы хорошо провели время в Лондоне?

— Да, благодарю, — она перевела дыхание. — Тетушка Лидия просила передать, что завтра состоится большой бал у лорда Стенли. Мы приглашены. Она сказала, что это отличная возможность впервые появиться в свете. Что скажете, милорд?

Ричард на мгновение задумался. Бал у Стенли — одно из главных событий начала сезона. Он не любил подобные сборища, предпочитая им тишину кабинета или общество тех немногих друзей, с которыми можно говорить без светских условностей. Но тетушка Лидия права: Викторию должны увидеть. И он должен быть рядом с ней, когда это произойдёт.

— Что ж, если тетушка Лидия так считает, значит нам надо поехать, — произнёс он. — Выедем после обеда, как раз успеем к балу. К тому же, — он бросил короткий взгляд на её платье, — будет жаль, если ваши новые наряды пропадут зря.

Виктория улыбнулась, но тут же заметила, как он сдержанно кашлянул, прикрыв рот рукой.

— Как ваше здоровье, милорд?

— Благодаря вашей заботе, Виктория, я чувствую себя отлично. Кашель почти прошёл. Доктор Уэллис заезжал сегодня утром и остался доволен. Полагаю, ваша миссия по моему спасению выполнена блестяще.

Она снова посмотрела на Генри, который уже вернулся к удочке и что-то сосредоточенно нашептывал поплавку, и на Джоанну, увлечённо дорисовывавшую в альбоме озеро с лебедями. Потом перевела взгляд на Ричарда.

— Милорд... почему вы решили научить Генри ловить рыбу?

Он пожал плечами, но в его глазах промелькнуло что-то тёплое, почти мальчишеское.

— Потому что я помню, как сам был ребёнком. Отец брал меня на озеро, показывал, как насаживать наживку, как ждать поклёвки. Я был счастлив в те дни. — Он помолчал и добавил с той самой суховатой иронией, которая у него заменяла нежность: — И потом, Генри уже три года. В этом возрасте мужчина должен уметь ловить рыбу.

Виктория невольно рассмеялась.

— И кто же установил такое правило?

— Я. Только что. — Он посмотрел на неё с лёгкой усмешкой. — Разве я не хозяин этого поместья?

Она покачала головой, всё ещё улыбаясь, и перевела взгляд на сына. Генри, затаив дыхание, следил за поплавком, и его маленькая спина была напряжена, как натянутая тетива.

— Знаете, милорд, вы очень вовремя взялись за его обучение, — произнесла Виктория, и в её голосе прозвучала тёплая, чуть грустная нотка. — Через два дня ему исполнится четыре года. В три он хотя бы успел научиться держать удочку. Боюсь, в четыре было бы уже поздно для такого строгого наставника, как вы.

Ричард повернулся к ней. В его глазах мелькнуло удивление — он явно не знал о дне рождения мальчика.

— Четыре года, — повторил он задумчиво, глядя на Генри так, словно видел его впервые. — Что ж, значит, у меня есть два дня, чтобы сделать из него настоящего рыбака.

— Думаю, он будет счастлив, если вы продолжите уроки, — мягко сказала Виктория.

Ричард ничего не ответил, но уголки его губ дрогнули в едва заметной улыбке. Он снова посмотрел на мальчика, который в этот самый момент издал торжествующий вопль — поплавок дёрнулся и ушёл под воду.

— Клюёт! Клюёт! — закричал Генри, вскакивая и изо всех сил дёргая удочку.

Ричард в одно мгновение оказался рядом, накрыл его руки своими и помог сделать правильную подсечку. Через несколько секунд из воды, сверкая серебром в закатных лучах, вылетела небольшая, но очень бойкая рыба.

Генри завизжал от восторга. Джоанна, бросив альбом, подбежала посмотреть на улов. Даже щенок, привлечённый шумом, примчался к озеру и принялся звонко лаять, пытаясь лизнуть трепыхающуюся рыбу.

Виктория смотрела на эту картину — на Ричарда, который, смеясь, показывал Генри, как правильно снимать рыбу с крючка, на сияющие лица детей, на залитый золотым светом сад, — и чувствовала, как в груди что-то тихо, осторожно оттаивает.

Она привыкла видеть в Ричарде дельца, хозяина, человека, заключившего сделку. Но сегодня перед ней стоял просто мужчина, который учил её сына ловить рыбу. И который, кажется, сам не заметил, как увлёкся.

— Спасибо вам, — сказала она тихо, когда он, закончив возиться с уловом, выпрямился и подошёл к ней. — За то, что уделили время детям в моё отсутствие.

Он посмотрел на неё. В его глазах она увидела живое, тёплое выражение.

— Это всего лишь рыбалка, Виктория, — ответил он, но голос его прозвучал мягче обычного.

— Для вас — возможно. Для них — гораздо больше.

Он ничего не ответил. Только улыбнулся — коротко, одними уголками губ. Но этого было достаточно.

Глава 10

Карета Харингтонов остановилась у величественного особняка лорда Стенли, окна которого сияли сотнями огней, отражавшихся в мокрой после недавнего дождя мостовой. Виктория, выходя из экипажа, на мгновение замерла, глядя на вереницу гостей, поднимавшихся по мраморным ступеням. Дамы в сверкающих драгоценностях, джентльмены в безупречных фраках, аромат духов и цветов, звуки настраиваемых скрипок, доносившиеся из бальной залы, — всё это было так далеко от её жизни последних двух лет, что на миг ей показалось, будто она смотрит чужой сон.

Ричард, заметив её колебание, чуть коснулся её локтя.

— Вы готовы, Виктория?

Она подняла на него глаза. В вечернем фраке, с идеально повязанным галстуком, он выглядел именно так, как должен выглядеть хозяин Уиндем-холла, — уверенный, спокойный, безупречный. И на мгновение она почувствовала странную гордость оттого, что входит в этот зал рядом с ним.

— Да, милорд. Готова.

Он предложил ей руку, и они вошли.

Их появление не осталось незамеченным. Виктория физически ощущала, как десятки взглядов устремляются к ним, как стихают разговоры, сменяясь приглушённым шёпотом. Она знала, о чём говорят: «Это она. Вдова Хортон. Вышла за Харингтона ради спасения от нищеты. Интересно, какова она?»

Ричард, казалось, совершенно не замечал этого внимания. Он провёл её через зал, представляя гостям с той сдержанной, но безупречной вежливостью, которая была его визитной карточкой. Имена и лица сливались в один поток, но Виктория держалась, отвечая на приветствия с той скромной грацией, которую тетушка Лидия так старательно вдальбывала ей в Лондоне.

— Вы прекрасно справляетесь, — тихо сказал Ричард, когда они отошли от очередной группы гостей. — Я же говорил, что вы напрасно волновались.

— Благодарю, милорд, — ответила она, чувствуя, как от его слов внутри разливается тепло.

А потом заиграла музыка, и он пригласил её на танец.

Это был вальс — новый, немного скандальный танец, который старшее поколение ещё не вполне одобряло. Ричард уверенно повёл её в круг, и Виктория, подчиняясь его движениям, вдруг забыла обо всех взглядах. Его рука лежала на её талии — твёрдо, но бережно. Их лица были близко, и она видела, как в его глазах отражаются огни люстр.

— Вы прекрасно танцуете, Виктория, — произнёс он, чуть склонив голову.

— Вы тоже, милорд. Я полагала, вы предпочитаете бальной зале свой кабинет.

— Так и есть. — Уголок его губ дрогнул. — Но сегодня я сделал исключение.

Она хотела спросить, почему, но не решилась. Вместо этого просто позволила себе плыть в такт музыке, чувствуя, как его рука чуть крепче сжимает её талию на повороте. На мгновение ей показалось, что всё возможно. Что этот брак, начавшийся как сделка, может стать чем-то иным. Что он видит её — не вдову, не обузу, не условие договора, а просто женщину.

Танец закончился. Ричард, всё ещё держа её за руку, повёл к краю залы, где в кресле сидел граф Джеффри Харингтон, наблюдавший за ними с довольной улыбкой.

— Отец, — обратился к нему Ричард, — окажете честь вашей невестке? Пригласите её на следующий танец.

— С превеликим удовольствием, — Джеффри поднялся, чуть пошатнувшись, но тут же выпрямился. — Виктория, дорогая, позвольте?

Она не могла отказать. Ричард, бросив на неё ободряющий взгляд, отошёл, а она вложила руку в ладонь свёкра, и они закружились в более медленном, степенном контрдансе.

Но уже через несколько минут Виктория заметила, что лицо Джеффри побледнело, а дыхание стало чаще.

— Милорд, вам нехорошо? — встревоженно спросила она, замедляя шаг.

— Пустяки, дитя моё, — отмахнулся он, но тут же покачнулся. — Пожалуй, немного закружилась голова. Духота...

Виктория, не раздумывая, подвела его к ближайшему креслу и усадила.

— Посидите здесь, я сейчас принесу вам воды. Или, быть может, вина?

— Воды, если вас не затруднит, — слабо улыбнулся Джеффри. — Вы очень добры.

Она поспешила к столику с напитками, стоявшему в дальнем конце залы. Протискиваясь сквозь толпу, она думала только о том, чтобы поскорее вернуться, и не сразу заметила двух дам, стоявших спинами к ней и оживлённо беседовавших за бокалами шампанского.

— ...удивительно, право слово, — донеслось до неё. — Харингтон женился, а Марианна всё ещё здесь. Ты видела их вместе?

— Ещё бы не видела! У колонны, в восточной галерее. Стоят, как ни в чём не бывало. Интересно, знает ли его молодая жена, что у мужа есть... постоянная спутница?

— О, дорогая, мужчины никогда не расстаются с такими привычками. Женитьба — это одно, а удовольствия — совсем другое. Посмотри на них — он улыбается ей так, словно и не было никакой свадьбы.

Виктория замерла. Её пальцы, тянувшиеся к бокалу с водой, застыли в воздухе. Она медленно повернула голову в ту сторону, куда смотрели дамы.

У дальней колонны, в полумраке галереи, стояла высокая, статная блондинка в платье глубокого изумрудного цвета, которое подчёркивало каждый изгиб её фигуры. Её волосы, уложенные в сложную причёску, блестели в свете канделябров, а на губах играла ленивая, уверенная улыбка. Рядом с ней, чуть склонив голову, стоял Ричард.

Чуть поодаль, у столика с закусками, переминался с ноги на ногу невысокий полноватый джентльмен — сэр Артур Бомонт, кузен Марианны. Добродушный холостяк, он из жалости вывозил в свет свою «бедную родственницу», всё ещё надеясь, что кто-то из достойных джентльменов обратит на неё внимание. Он не подозревал, что Марианна использует этот бал совсем для другой встречи, и теперь, отосланный ею к закускам, покорно ждал, когда она закончит разговор с виконтом.

Ричард чуть склонил к ней голову и что-то сказал. Уголки его губ приподнялись в той самой улыбке — мягкой, почти интимной, — которую Виктория видела лишь раз, в зеркале, когда он коснулся её волос. Но тогда она была адресована ей. А теперь — другой женщине.

Внутри у Виктории всё сжалось. Ей стало трудно дышать, словно кто-то невидимый стянул корсет на два размера туже. Она схватила бокал с водой и, не глядя по сторонам, поспешила обратно к Джеффри.

— Вот, милорд, выпейте.

Джеффри принял бокал, сделал несколько глотков и благодарно кивнул.

— Спасибо, дитя. Мне уже лучше. Но вы бледны, Виктория. Что-то случилось?

— Ничего, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто немного душно. Вы позволите мне выйти на воздух? На минутку.

— Конечно, конечно. Ступайте.

Она направилась к выходу, но не на балкон, где толпились гости, а к парадному входу. Ей нужна была тишина. Нужно было побыть одной, чтобы осмыслить увиденное.

Она вышла на широкое крыльцо, отделанное мрамором, и глубоко вдохнула прохладный ночной воздух. Кареты всё ещё подъезжали, лакеи сновали туда-сюда, но на ступенях никого не было. Виктория прислонилась к колонне и закрыла глаза.

Марианна. Значит, вот как её зовут. «Постоянная спутница». Женщина, которой Ричард улыбается так, как никогда не улыбался ей. Женщина, которая, очевидно, была частью его жизни задолго до того, как Виктория вошла в неё. И, судя по увиденному, остаётся частью до сих пор.

Она вспомнила его слова в саду, в день их первой встречи: «Я обожаю путешествовать... брак по любви стал бы цепью на моей ноге. В то время как наш союз... я надеюсь, вы достаточно благоразумны, чтобы не интересоваться моими личными делами».

Теперь она понимала, что он имел в виду. Его личные дела имели имя, лицо и изумрудное платье. И она, Виктория, была лишь удобным прикрытием, сделкой, которая обеспечивала ему земли и свободу.

— Леди Хортон, — раздался вдруг голос из тени. — Ах да, извините, вы же теперь леди Уиндем. Какая неожиданная встреча.

Виктория вздрогнула и обернулась. От колонны отделилась мужская фигура — коренастая, в поношенном сюртуке, с лицом, изрытым оспинами, и маленькими, бегающими глазками. Она узнала его мгновенно, и внутри всё похолодело.

Мистер Бриггс — бывший конюх. Муж Мэгги, её прежней кухарки.

— Что вы здесь делаете? — выдохнула она, инстинктивно отступая на шаг.

— А вы как думаете? — Он приблизился, разглядывая её с той же наглой бесцеремонностью, что и два года назад. — Пришёл посмотреть на вас, леди Уиндем. В вашем новом... положении.

Он обвёл взглядом её вечернее платье, жемчужное ожерелье, подаренное тетужкой Лидией, и усмехнулся.

— Я вижу, вы уже не бедствуете. Ваш муж заботится о вас. Интересно, — он понизил голос, — он уже знает все ваши тайны?

Виктория сжала кулаки, стараясь унять дрожь.

— Что вам нужно, мистер Бриггс?

— Деньги, леди Уиндем. Что же еще? Чтобы я молчал. Потому что если виконт Уиндем узнает правду... что ж, я сомневаюсь, что вы останетесь жить в его доме. А дети — тем более.

— У меня нет денег, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — И не смейте мне угрожать. В ваших же интересах сохранить тайну.

— В моих? — Он хрипло рассмеялся. — Мне нечего терять, миледи. А вам — есть. Виконт Уиндем — человек гордый. Он женился на вас ради земель, это всем известно. Но если он узнает, что земли — не единственное, в чём вы его обманули... что ж, я сомневаюсь, что он захочет и дальше называть этих детей своими.

Слова ударили её, словно пощёчина. Виктория почувствовала, как кровь отливает от лица. Он знал. Знал всё.

— Вы не посмеете, — прошептала она. — Если вы расскажете, Мэгги тоже пострадает.

— Мэгги? — Бриггс скривился. — Мэгги давно уже не моя забота. Она сама выбрала свою судьбу. А я остался с носом. Теперь пришло время платить по счетам.

Он шагнул ещё ближе, и Виктория почувствовала запах дешёвого табака и перегара.

— Через неделю я буду ждать вас в охотничьем домике у Хортон. Принесёте деньги — сто фунтов для начала. Если не явитесь, я приду сам к вашему мужу и всё ему расскажу. Мне нужны деньги, и мне наплевать на вас, на этих детей и тем более на то, что скажет моя жена. Всё ясно?

— У меня нет ста фунтов, — повторила она, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— А вы придумайте что-нибудь. Вы теперь леди Уиндем. Попросите у мужа на булавки. Скажите, что хотите новое платье. Мне всё равно. Но через неделю деньги должны быть у меня. Иначе — пеняйте на себя.

— Виктория!

Голос Ричарда раздался от дверей. Бриггс мгновенно отступил в тень и скрылся за колонной, растворившись в темноте.

Ричард вышел на крыльцо и, увидев её, нахмурился.

— Что вы здесь делаете? Я искал вас по всему залу.

Виктория заставила себя выпрямиться, разгладить юбку, придать лицу спокойное выражение.

— Я вышла подышать свежим воздухом. Мне стало немного дурно.

Он подошёл ближе, вглядываясь в её лицо.

— Что-то случилось? Четверть часа назад вы выглядели вполне довольной, а теперь на вас лица нет.

— Ничего не случилось, милорд. Я просто устала от шума и внимания. Простите, я давно не была в свете.

Он продолжал смотреть на неё — пристально, изучающе. Она чувствовала, как его взгляд скользит по её бледным щекам, по напряжённой линии губ, по рукам, которые она сцепила в замок, чтобы скрыть дрожь.

— Вы бледны, как полотно, — произнёс он наконец. — И руки у вас дрожат. Виктория, я не слепой. Скажите мне, что произошло.

— Ничего, — повторила она, отводя взгляд. — Я хочу вернуться в Уиндем-холл. К детям. Прямо сейчас.

Она не стала ждать ответа. Развернулась и направилась к карете, чувствуя, как слёзы жгут глаза, но не позволяя им пролиться. Не сейчас. Не при нём.

Ричард догнал её в два шага.

— Виктория, подождите.

Она не остановилась. Он взял её за локоть — не грубо, но настойчиво.

— Я не позволю вам ехать домой одной ночью. Если вы хотите уехать, я поеду с вами.

— Вам не обязательно возвращаться со мной, милорд, — сказала она, не оборачиваясь. — Полагаю, у вас есть чем заняться в Лондоне.

Она не видела его лица, но почувствовала, как его пальцы на её локте чуть сжались, а потом отпустили.

— Я отвезу вас домой, — повторил он твёрдо. — Садитесь в карету.

Она подчинилась.

Карета тронулась, и Лондон с его огнями, музыкой и сплетнями остался позади. Виктория сидела, отвернувшись к окну, глядя на проплывающие мимо тёмные силуэты домов и деревьев. Её лицо отражалось в стекле — бледное, застывшее, чужое.

Ричард сидел напротив. Она чувствовала его взгляд — тяжёлый, вопрошающий, но не произносила ни слова. Внутри неё всё кипело: обида на него, страх перед Бриггсом, отчаяние от того, что она попала в ловушку, из которой, кажется, нет выхода.

Марианна. Эта женщина с изумрудными глазами и ленивой улыбкой. Он улыбался ей — так, как никогда не улыбался Виктории. И пусть она сама себе твердила, что их брак — сделка, что она не имеет права ревновать, что должна быть благодарна за крышу над головой и заботу о детях, — эта мысль жгла её изнутри.

А теперь ещё и Бриггс. Сто фунтов. Где она возьмёт сто фунтов? Попросить у Ричарда? Но что она скажет? «Милорд, мне нужно заплатить шантажисту, чтобы он молчал о том, что Джоанна и Генри — не мои дети»? Нет. Об этом не может быть и речи. Потому что тогда придётся рассказать всё. Что она никогда не рожала. Что детей родила кухарка Мэгги от старого графа Хортона, а она, Виктория, дважды притворялась беременной — уезжала в охотничий домик, пряталась от чужих глаз, а потом возвращалась с младенцем на руках, и никто не смел усомниться. Всё это было ложью — от первого до последнего дня. Ложью, на которой держалась честь покойного мужа и будущее ни в чём не повинных детей. Если Ричард узнает —

ей конец. В глазах закона она мошенница, обманом введшая в благородное семейство чужих бастардов. Её ждёт аннуляция брака, позор, нищета, а Джоанну и Генри отнимут и отправят в работный дом — или, в лучшем случае, вернут Мэгги, женщине, которая родила их и бросила, которая никогда их не любила.

Она должна найти выход. Должна защитить Джоанну и Генри любой ценой. Даже если для этого придётся навсегда остаться в этой ледяной, пустой скорлупе брака, который никогда не станет настоящим.

— Виктория, — голос Ричарда прозвучал неожиданно мягко. Он потянулся и накрыл её руку своей. — Расскажите мне, что вас расстроило. Прошу вас.

Она вздрогнула от его прикосновения. Ещё вчера оно заставило бы её сердце биться чаще. Сегодня — причиняло боль.

Она выдернула руку и снова отвернулась к окну.

— Ничего не произошло. Я же сказала: я устала. Просто устала.

Ричард откинулся на спинку сиденья. В тусклом свете каретного фонаря она видела его отражение в стекле: он смотрел на неё, и на его лице читалось раздражение.

Она закрыла глаза и представила Джоанну и Генри. Их смех. Их тёплые ладони. Их доверчивые глаза.

Ради них она выдержит всё. И косые взгляды на балах. И улыбки, которые Ричард дарит другим женщинам. И угрозы Бриггса.

Она будет держаться от мужа подальше. Не лезть в его жизнь. Не ждать ничего, кроме того, что оговорено в их сделке. А как только дом в Хортоне будет готов, она вернётся туда с детьми и постарается забыть эти несколько недель, когда ей казалось, что она может быть счастлива.

Карета катилась сквозь ночь, увозя её обратно в Уиндем-холл — к детям, к тишине, к спасительному одиночеству. А Ричард сидел напротив, глядя на её застывший профиль, и впервые за долгое время не знал, что сказать.

Он думал, что всё предусмотрел. Что разговор с Марианной пройдет незамеченным. Что Виктория, танцевавшая в это время с его отцом, ничего не узнает. Он был уверен, что держит всё под контролем.

Но сейчас, глядя на её бледное, замкнутое лицо, он вдруг понял, что что-то упустил. Что-то важное. И это «что-то» могло стоить ему гораздо большего, чем он предполагал.

Он не знал, что именно случилось. Но он чувствовал: стена, которая была между ними, выросла снова. Выше и прочнее прежней.

Глава 11

Утро в Уиндем-холле выдалось солнечным и тёплым. Ричард, как обычно, спустился в столовую ровно в девять. Он сел, развернул газету и потянулся к кофейнику.

Тишина. Слишком полная тишина.

Ни шороха её платья, ни лёгких шагов, ни тихого «доброе утро, милорд». Он вдруг понял, что за последние недели привык к тому, что Виктория приходит к завтраку. Пусть они сидели на разных концах стола, пусть говорили мало, но её присутствие стало частью утра. А теперь её не было.

Вошел мистер Хиггинс с блюдом свежих тостов.

— Хиггинс, — Ричард поставил чашку, — где леди Уиндем? Она нездорова?

— Я видел, как леди Уиндем прошла в малую столовую, милорд. Полагаю, она сейчас там. — Дворецкий сделал крошечную паузу и добавил: — У маленького Генри сегодня день рождения.

Ричард замер. День рождения. Она говорила — тогда, у озера. «Через два дня ему исполнится четыре года». Он помнил. Но в суете бала, в тревоге минувшей ночи, в её ледяном молчании по дороге домой эта дата как-то ускользнула на край сознания.

Он отложил салфетку и поднялся.

— Благодарю, Хиггинс.

Он прошёл через холл, мимо парадной гостиной, и остановился у двери в малую столовую. Оттуда доносились детские голоса, звонкий смех Джоанны и восторженный лепет Генри. И ещё — её голос. Мягкий, тёплый, каким она говорила только с детьми. Ричард на мгновение замешкался, чувствуя себя почти незванным гостем, но всё же толкнул дверь.

Первое, что он увидел, — лицо Виктории. Оно светилось улыбкой, той самой, которую он видел лишь однажды, когда разрешил оставить щенка. Она сидела рядом с Генри, намазывая джем на его тост, и что-то тихо ему говорила. Её волосы были убраны в простую причёску, платье — то самое лимонное, повседневное, в котором она вернулась из Лондона.

А потом она подняла глаза и увидела его.

Улыбка погасла. Не сразу, не резко — она словно увяла, как цветок, с которого убрали солнце. Черты её лица снова стали сдержанными, настороженными, как в первые дни их знакомства. Ричард заметил эту перемену мгновенно, и что-то неприятно кольнуло в груди.

Но он не подал виду. Вместо этого он широко улыбнулся, подошёл к Генри и, прежде чем мальчик успел опомниться, подхватил его на руки и подбросил в воздух.

— Четыре года! — объявил он, и Генри залился счастливым смехом. — Это серьёзный возраст, молодой человек. Поздравляю.

— Милорд! Милорд! — закричал Генри, обхватывая его шею пухлыми ручками. — Мама сказала, что мне четыре!

— Совершенно верно. И по такому случаю я рекомендую тебе доедать завтрак как можно быстрее.

— Почему? — Генри округлил глаза.

— Потому что снаружи тебя ждёт подарок.

Генри ахнул. Джоанна, сидевшая рядом, подпрыгнула на стуле. Даже Виктория, всё ещё державшая в руке нож для джема, замерла и подняла на Ричарда удивлённый взгляд.

— Подарок? — переспросила она.

— Подарок, — подтвердил Ричард, опуская Генри обратно на стул. — Но сначала — завтрак. Джентльмен должен быть сытым, прежде чем получать подарки.

Он сел на свободный стул, и мистер Хиггинс, словно по волшебству, тут же появился с прибором и чашкой кофе. Виктория несколько мгновений смотрела на мужа, затем медленно

вернулась к своему тосту. Ричард заметил, как уголки её губ чуть дрогнули — не улыбка, но тень улыбки. И это было уже что-то.

После завтрака, который прошёл в непривычной для Уиндем-холла суете — Генри то и дело вскакивал, пытаясь бежать к двери, а Джоанна засыпала Ричарда вопросами о том, что это за подарок, — они вышли во двор.

Солнце заливало лужайку, и мокрая от росы трава сверкала, словно усыпанная алмазами. Ричард повёл их не к озеру, как ожидала Виктория, а к конюшне. У ворот их уже ждал грум, державший под уздцы маленькую, пушистую пони — светло-серую, с белой гривой и огромными, кроткими глазами. На ней уже было надето крошечное седло, отделанное красной кожей.

Генри замер, открыв рот. Джоанна взвизгнула от восторга.

— Это... это мне? — прошептал Генри, не веря своим глазам.

— Тебе, — Ричард присел рядом с ним на корточки. — Её зовут Звёздочка. Она совсем молодая и очень добрая. Но ей нужен хозяин, который будет о ней заботиться. Как думаешь, ты справишься?

Генри яростно закивал, не в силах вымолвить ни слова. Его глаза блестели от слёз счастья. Ричард поднял его и усадил в седло, показав, как держать поводья. Пони послушно пошла шагом, и Генри, вцепившись в гриву, издал такой ликующий вопль, что эхо разнеслось по всей округе.

Виктория стояла в стороне, прижав руки к груди. Она смотрела, как Ричард ведёт пони по кругу, как он терпеливо объясняет Генри, куда смотреть и как сидеть, как потом снимает мальчика и сажает в седло Джоанну, которая тоже требует свою очередь. Её лицо, такое замкнутое утром, постепенно смягчалось. Глаза потеплели, а губы сами собой сложились в улыбку — не ту, что гаснет при его появлении, а настоящую, живую.

Когда Ричард, закончив с детьми, подошёл к ней, она всё ещё смотрела на него с каким-то новым выражением.

— Вы сделали его счастливым, — тихо сказала она. — Я не знала, что вы... помните.

— Я же говорил: мужчина должен уметь ловить рыбу. А настоящий мужчина должен ещё и уметь ездить верхом. — Он пожал плечами, но в его глазах промелькнуло что-то тёплое. — Считайте это... вкладом в его будущее.

Виктория покачала головой, но улыбка не исчезла.

— Вы удивительный человек, милорд.

— Я запомню это, — ответил он. — Редко слышу такие слова.

Он помолчал, глядя на детей, которые теперь вдвоём гладили пони, и добавил:

— Виктория, сегодня я собираюсь поехать на вашу мельницу. Ту, что у восточной границы Хортон. Хочу посмотреть, как там обстоят дела. И заехать в сам Хортон — проверить, как продвигается ремонт. Не желаете составить мне компанию?

Она подняла на него глаза.

— Составить компанию?

— Мы могли бы отправиться верхом. После обеда. Дети останутся с гувернанткой, погода прекрасная. Что скажете?

Она колебалась лишь мгновение.

— Да, — сказала она. — Я поеду с вами.

После обеда они выехали из ворот Уиндем-холла. Ричард выбрал для Виктории спокойную гнедую кобылу, и она сидела в седле уверенно — видимо, когда-то, до своего заточения в Хортоне, она умела ездить верхом. Они двигались шагом по просёлочной дороге, и солнце золотило верхушки деревьев, а ветер доносил запах нагретой травы и полевых цветов.

Ричард молчал, давая ей возможность привыкнуть. Но он наблюдал. Она больше не была той бледной, испуганной женщиной, что вошла в его дом несколько недель назад. В седле она

держалась прямо, лицо её покраснелось от свежего воздуха, а в глазах появился тот самый живой блеск, который он впервые заметил в библиотеке. Она смотрела на поля, на далёкие холмы, на облака, и что-то в её лице говорило: она скучала по этому. По простору. По свободе.

В Хортоне их встретил мистер Грейвз, управляющий, присланный Ричардом. Он доложил о ходе работ: крыша почти готова, стены в гостиной просушены, через две недели можно будет приступать к отделке. Ричард кивал, задавал вопросы, делал пометки в маленьком блокноте. Виктория ходила по комнатам, касалась стен, смотрела в окна. Дом, ещё недавно казавшийся мёртвым, начинал оживать. Пахло свежим деревом и известью, и в этом запахе было что-то обнадёживающее.

Потом они поехали дальше, к мельнице. Она стояла у реки, на восточной границе земель Хортон, — приземистое каменное здание с большим деревянным колесом, которое сейчас, в летнюю пору, лениво вращалось под напором воды. У входа их встретил мистер Кросс — дородный мужчина с красным лицом и бегающими глазками. Он рассыпался в приветствиях, кланялся, называл Ричарда «ваша милость», а Викторию — «наша добрая леди». Но что-то в его суетливости Ричарду сразу не понравилось.

— Покажите мне книги, — коротко приказал он.

Внутри мельницы пахло мукой и плесенью. Ричард прошёл в крошечную конторку, сел за стол и потребовал приходно-расходные книги за последние два года. Мистер Кросс побледнел, замялся, начал что-то лепетать о том, что записи «не совсем в порядке». Ричард, не слушая, открыл первую попавшуюся книгу и углубился в цифры.

Виктория стояла у двери, наблюдая. Она видела, как его лицо становится всё мрачнее. Как он перелистывает страницы, возвращается назад, сверяет цифры. Наконец он поднял глаза на мистера Кросса, и в его взгляде было что-то такое, отчего управляющий отшатнулся.

— Согласно этим записям, мельница за прошлый год принесла сорок фунтов дохода, — произнёс Ричард ледяным тоном. — Однако я только что пересчитал мешки в хранилище и сравнил с накладными на поставку зерна. Даже по самым скромным подсчётам, реальный доход должен быть не менее ста двадцати фунтов. Где остальные восемьдесят, мистер Кросс?

Управляющий открыл рот, закрыл, снова открыл. Пот ручьём тёк по его лбу.

— Я... расходы, ваша милость... ремонт колеса...

— Ремонт колеса, — перебил Ричард, — стоит пять фунтов, и я нашёл запись о нём в книге. Вы списали пятнадцать. Где остальные десять?

Он поднялся. Он был выше Кросса на голову и сейчас, в гневе, казался ещё выше.

— Вы обманывали леди Уиндем два года. Пользовались тем, что она — женщина, вдова, не имеющая опыта в делах. Вы крали у неё деньги, пока она и её дети голодали. — Он шагнул вперёд, и Кросс попятился, упёршись спиной в стену. — Я не просто уволю вас, мистер Кросс. Я передам вас констеблю. Вас будут судить за хищение. И, уверяю вас, я прослежу, чтобы приговор был самым суровым.

Кросс рухнул на колени. Слёзы текли по его красному лицу, он хватал Ричарда за край сюртука, умолял, клялся детьми и женой.

— Ваша милость! Пощадите! У меня пятеро детей! Жена больна! Я верну всё, до последнего пенни, только не губите!

Ричард брезгливо высвободил сюртук и повернулся к Виктории, чтобы сказать, что она должна видеть, как наказывают тех, кто её обманывал.

И замер.

Она стояла, отвернувшись к окну. Плечи её вздрагивали. Она плакала — беззвучно, сдерживаясь из последних сил, но слёзы всё равно текли по щекам.

Он забыл о Кроссе. О мельнице. О счетах и украденных деньгах. Всё это вдруг стало мелким, неважным, словно пыль, сметённая порывом ветра.

В два шага он оказался рядом. Его руки легли на её плечи — осторожно, почти невесомо, словно он боялся, что она рассыплется от прикосновения. Он повернул её к себе, и она не сопротивлялась — подалась вперёд и уткнулась лицом в его рубашку.

И зарыдала.

Не так, как плачут от обиды или минутной боли. Она плакала так, как плачут, когда плотина, сдерживавшая реку слишком долго, наконец рушится. Глухо, отчаянно, всем телом.

Ричард замер.

Он не умел утешать. В его жизни не было места для чужих слёз — он либо не замечал их, либо считал проявлением слабости, которую презирал. Его мать умерла, когда он был слишком мал, чтобы помнить её слёзы. Отец никогда не плакал при нём. Любовницы, если и плакали, то в подушку, зная, что сцены он не терпит. Он прожил тридцать два года, ни разу не держав в объятиях плачущую женщину.

И теперь, чувствуя, как её хрупкое тело сотрясается от рыданий, как её слёзы пропитывают ткань его рубашки, тёплые и солёные, он не испытал ни раздражения, ни неловкости.

Осторожно он обнял её. Одной рукой прижал к себе — крепко, но бережно. Другой — накрыл её затылок, туда, где из причёски выбились мягкие завитки. Его пальцы сами собой начали гладить её волосы — медленно, успокаивающе.

Он молчал. Не пытался остановить её. Просто дал ей выплакаться в свою рубашку, чувствуя, как её дыхание постепенно выравнивается, как дрожь утихает, сменяясь редкими, судорожными всхлипами.

Впервые в жизни он не хотел, чтобы кто-то побыстрее «взял себя в руки». Он хотел, чтобы она плакала столько, сколько ей нужно. И чтобы он был тем, кто держит её в этот момент.

Он опустил голову и коснулся губами её волос. Не поцеловал — просто прижался, вдохнул их запах: лаванда, дождь, что-то неуловимое, её собственное. Она вздрогнула, но не отстранилась. Напротив, её пальцы, всё ещё сжимавшие его сюртук, чуть расслабились, и она прильнула к нему ещё ближе.

Он закрыл глаза.

Когда её рыдания стихли окончательно, он не разжал объятий. Просто продолжал держать её, давая привыкнуть к тишине. Она первой подала голос — тихий, охрипший, но уже спокойный:

— Простите, милорд. Я не должна была...

Она подняла на него глаза. Красные, опухшие, с мокрыми ресницами. И всё равно — красивые. Живые. Настоящие.

— Этот человек получит по заслугам за то, что обманывал вас, — сказал он тихо. — Я обещаю.

— Нет, — прошептала она. — Прошу вас, милорд. Пощадите его.

Ричард уставился на неё, не веря своим ушам.

— Пощадить? Виктория, он воровал у вас. Он обрёк вас на нищету, пока вы тут... — Он осёкся, не желая говорить о том, как она жила эти два года.

— У него жена и пятеро детей, — сказала она, вытирая слёзы. — Если вы отдадите его под суд, если его посадят... что будет с ними? Они не виноваты в его грехах. Они будут голодать, как голодали мои дети. Я не могу этого допустить.

Он смотрел на неё и не находил слов. Перед ним стояла женщина, которую только что унизили, обманули, обокрали — и она просила пощадить обидчика. Не из слабости. Из доброты. Из того самого сердца, которое, как он теперь понимал, привело её к нищете не потому, что она была глупа или неопытна, а потому, что она не могла причинить боль другому.

Что-то перевернулось у него внутри. Он впервые в жизни почувствовал не раздражение от чужой мягкости, а... восхищение. И странное, незнакомое желание — защитить её. От всех. От Кросса, от целого мира, который только и ждёт, чтобы воспользоваться её добротой.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Ради вас.

Он отпустил её и подошёл к Кроссу, который всё ещё стоял на коленях, дрожа и всхлипывая.

— Встаньте, — приказал Ричард. — Леди Уиндем просила за вас. Я оставляю вам место. Но запомните: отныне хозяин здесь я. И я не прощу ни одной оплошности. Вы вернёте всё, что украли, — частями, из вашего жалованья. И каждую неделю будете лично отчитываться передо мной. Если хоть раз опоздаете, если хоть пенс пропадёт — вы пожалеете, что не попали в тюрьму сегодня. Вам ясно?

Кросс, заикаясь, рассыпался в благодарностях. Ричард, не слушая, повернулся и вышел. Виктория последовала за ним.

На улице их ждали лошади. Солнце клонилось к закату, окрашивая реку в золото. Ричард помог Виктории сесть в седло. Она была лёгкой, почти невесомой, и когда его руки на мгновение задержались на её талии, он почувствовал, как она всё ещё дрожит от пережитого напряжения. Он ничего не сказал, лишь поправил стремя и проверил подпругу, давая ей время прийти в себя.

Затем легко вскочил на своего коня, и они тронулись.

Они ехали молча. Ричард ехал чуть позади, и его взгляд то и дело возвращался к её фигуре — прямой, хрупкой, но исполненной того особого достоинства, которого он раньше не замечал.

Ветер трепал волосы Виктории, выбившиеся из причёски, и в лучах закатного солнца они отливали медью и тёмным золотом. Ричард поймал себя на том, что смотрит на неё чаще, чем на дорогу.

Он думал о том, как ошибался.

Когда он впервые увидел её — бледную, худую, в тёмном платье, с потухшими глазами, — он решил, что перед ним слабая, не приспособленная к жизни женщина. Вдова, которая за два года не смогла навести порядок в собственном доме. «Лишена деловой хватки», — сказал он тогда тётушке Лидии. «Самая заурядная особа». Он был уверен в своей правоте. Он привык судить быстро и редко менял мнение.

А теперь...

Теперь он видел, как она просила пощадить человека, который её обокрал. Не из страха, не из слабости — из доброты. Потому что думала о его жене и пятерых детях. О чужих людях, которые никогда не скажут ей спасибо.

Он вспомнил, как она сидела у его постели всю ночь, когда у него был жар. Тогда он решил, что это просто долг — жена должна заботиться о муже. Теперь он понимал: это было нечто иное. Она не могла иначе. Она не умела проходить мимо чужой боли.

Она была не слабой. Она была... доброй. Доверчивой.

Ричард смотрел на её профиль, подсвеченный закатом, и чувствовал, как внутри поднимается что-то новое, незнакомое. Не раздражение от её мягкости, не презрение к слабости, а... желание защитить. Встать между ней и всеми, кто посмеет её обидеть. Сделать так, чтобы она никогда больше не плакала — разве что от счастья.

Он вспомнил, как тётушка Лидия говорила: «Ты глубоко ошибаешься насчёт неё». Тогда он отмахнулся. Теперь он знал: тётушка была права. А он был слеп.

Они въехали в ворота Уиндем-холла. Ричард спешился, помог Виктории сойти с лошади, и на мгновение их руки встретились. Она подняла на него глаза — всё ещё красные, но уже спокойные, — и едва заметно улыбнулась.

Он ничего не сказал. Только кивнул, отпуская её руку с неожиданной неохотой.

Они вошли в дом, и каждый отправился к себе — переодеться к ужину.

Ужин прошёл в малой столовой, с детьми. Генри всё ещё не мог успокоиться после подарка и то и дело вскакивал, чтобы выглянуть в окно — убедиться, что Звёздочка на месте.

Джоанна, сидя рядом с Ричардом, серьёзно объясняла ему, как правильно ухаживать за пони. Виктория молчала, но в её глазах больше не было той настороженности, что утром.

После ужина Ричард ушёл в кабинет. Он сел за стол, разложил бумаги, но работа не шла. Он поднялся, подошёл к окну и увидел её.

Виктория сидела на скамейке в саду, у куста белых роз. Она не читала, не вышивала — просто сидела, глядя куда-то вдаль. Её лицо, освещённое мягким вечерним светом, было неподвижным, почти печальным. Она казалась такой маленькой и одинокой, что у Ричарда сжалось сердце.

Он не стал раздумывать. Вышел из кабинета, прошёл через холл и оказался в саду. Она не слышала его шагов.

— Виктория, — позвал он.

Она вздрогнула и обернулась.

— Милорд?

Он сел рядом с ней на скамейку. Несколько мгновений молчал, глядя на розы.

— Сегодня вы просили пощадить человека, который вас обокрал, — начал он. — Я думал об этом весь вечер. И понял, что... вы не слабы. Вы сильнее, чем я думал.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Я хочу, чтобы вы знали, — продолжил он, — теперь вам не о чем беспокоиться. Вы не одна. Я... я защищу вас. От всего. От всех, кто попытается вас обидеть или обмануть. Это моё слово.

Она опустила глаза. Её пальцы теребили край шали.

— Я не хочу быть обузой, — тихо сказала она. — Я хочу научиться. Понимать дела, управлять хозяйством, читать счета. Чтобы больше никогда не оказаться в положении, когда кто-то может меня обмануть, а я даже не замечу. — Она подняла на него глаза. — Научите меня, Ричард, прошу вас?

Он впервые услышал, как она назвала его по имени — без «милорд». И это прозвучало так естественно, так тепло, что у него перехватило дыхание.

— Хорошо, — ответил он. — Научу. Прямо сейчас, если хотите.

Они вернулись в дом и прошли в его кабинет. Он усадил её на диван у камина, принёс книги — приходно-расходные журналы Уиндем-холла, старые счета, образцы договоров. Она слушала, задавала вопросы, хмурилась, переспрашивала. Её волосы, которые она распустила после ужина, мягкими волнами падали на плечи, и в свете камина они отливали медью.

Ричард сидел за столом, делая вид, что работает, но на самом деле наблюдал за ней. Она сидела, склонившись над книгой, и её лицо было сосредоточенным, почти строгим.

Он поймал себя на том, что любит её. Как она хмурит брови, когда что-то непонятно. Как покусывает кончик пера, задумавшись. Как её ресницы отбрасывают тени на щёки.

Он впервые в жизни подумал, что, возможно, его сделка с этой женщиной была самой удачной сделкой в его жизни. Только теперь он не хотел называть это сделкой.

Он ещё не знал, как назвать то, что между ними происходит. Но он знал одно: он

Глава 12

Дождь шёл третий день подряд. Он не лил стенами, как в день свадьбы, и не барабанил яростно по крыше, как в тот день, когда Ричард вернулся из Хортон промокшим до нитки. Он просто моросил — монотонно, бесконечно, обволакивая Уиндем-холл серой пеленой.

Виктория провела утро в библиотеке. Она пыталась читать, но мысли возвращались к одному и тому же: деньги. Сто фунтов. Бригс. Охотничий домик. Через пять дней.

Она отложила книгу и подошла к окну. Где взять сто фунтов? Попросить у Ричарда? Но что она скажет? Как объяснит, зачем ей такая сумма? «Милорд, мне нужно заплатить шантажисту, потому как ...». Нет. Это невыносимо.

Украсть?

Мысль обожгла стыдом, едва появившись. Она не воровка. Она никогда не брала чужого. Но что ей оставалось?

Она вернулась в свою комнату и взгляд сразу упал на резной столик у камина — тот самый, на котором стояла небольшая шкатулка, обитая тёмно-синим бархатом с потускневшей золотой вышивкой. Виктория узнала её. Ту самую, что горничная принесла в день свадьбы. Фамильные драгоценности Харингтонов. Те, что Ричард велел ей надеть, и которые она потом, после бала, вернула на место. Он не забрал шкатулку. Он доверял ей.

Пальцы дрожали, когда она открыла крышку. Внутри, на чёрном бархате, лежали украшения его матери: диадема, кольцо, серьги с сапфирами, несколько колец. Она выбрала самое маленькое, самое скромное — тонкий золотой ободок с крошечным бриллиантом. То, что можно было бы принять за обычное кольцо, не фамильную драгоценность.

Она сжала его в кулаке и закрыла глаза.

Это не кража. Это заём. Когда-нибудь, когда у меня будут свои деньги, я выкуплю его обратно и верну на место. Ричард даже не заметит пропажи. Он никогда не открывает эту шкатулку.

Она спрятала кольцо в карман платья и вернулась к письменному столу. На листе бумаги уже было написано несколько строк — письмо сестре, начатое ещё утром. Она перечитала их: сухие, пустые фразы о погоде, о детях, о том, что в Уиндем-холле спокойно. Ложь. Всё ложь.

Она обмакнула перо и дописала — быстро, не давая себе времени передумать:

«Лизи, я попала в беду. Тот человек, о котором я тебе рассказывала, — он вернулся. Он требует денег за молчание. У меня нет выбора, кроме как встретиться с ним в охотничьем домике у Хортон. Я боюсь, Лизи. Но я должна защитить детей. Молись за меня».

Она перечитала написанное и вдруг поняла, что не может отправить это письмо. Если оно попадёт не в те руки, если кто-то прочтёт... Она сложила лист и сунула его в ящик бюро, под стопку чистых листов. Когда-нибудь, когда всё закончится, она расскажет сестре. Или не расскажет никогда.

После обеда Виктория поднялась в свою комнату. Серый свет едва пробивался сквозь высокие окна, и в этом сумраке даже стены, казалось, тосковали. Она села на широкий подоконник, захватив с собой книгу из библиотеки — первую попавшуюся, лишь бы занять руки.

Виктория читала, но слова сливались. Взгляд то и дело ускользал к окну — и вдруг замер. Карета.

Чёрный экипаж неторопливо катил по подъездной аллее, и его лакированные бока тускло поблёскивали под дождём. Он остановился у центрального входа. Кучер спрыгнул на мокрый гравий, отворил дверцу — и изнутри, словно видение, появилась высокая белокурая женщина.

Марианна.

Сердце Виктории бешено заколотилось. Она узнала её сразу — ту самую, с лондонского бала. Ту, чьё имя шёпотом передавали из уст в уста: его любовница.

«Зачем она здесь?»

Виктория соскочила с подоконника, словно подброшенная пружиной. Книга упала на пол с глухим стуком, но она даже не заметила. Нервные шаги — от двери к окну, от окна к камину. Мысли метались, как вспугнутые птицы. Сердце колотилось где-то в горле.

«Как она посмела явиться в дом, где живёт его жена?»

Она замерла посреди комнаты. Боль отрезвила. Мысль пришла внезапно — холодная, чёткая, как лезвие.

Она не позволит унижить себя.

Пусть встречаются где угодно — это не её дело. Так было обговорено в самом начале их странного, пустого брака. Но в этом доме, под одной крышей с ней... Нет. Этого она не потерпит.

Виктория выпрямилась, одёрнула платье и быстрым шагом вышла в коридор. На лестнице она увидела их — Ричард уже встречал гостью, помогая снять дорожный плащ. Жест был учтивый, вежливый. Марианна что-то говорила ему, улыбаясь, и он наклонил голову, слушая.

Виктория спустилась вниз. Пол под ногами казался чужим. Ричард заметил её первым — поднял взгляд, и что-то мелькнуло в его глазах. Растерянность? Нет, скорее настороженность. Марианна обернулась следом.

— Милорд, — Виктория говорила ровно, с лёгким любопытством разглядывая гостью, — вы не сказали, что у нас сегодня будут гости. Представьте нас?

Вблизи Марианна оказалась ещё красивее — той фарфоровой, холодной красотой, от которой веяло стужей. Высокая, почти одного роста с Ричардом, белокурая, с голубыми глазами, которые почему-то казались пустыми — словно за ними ничего не было. Они смотрелись великолепной парой. Сердце Виктории болезненно сжалось.

Она сама была полной противоположностью: каштановые волосы, карие глаза, невысокий рост. Тёплая, живая — там, где Марианна походила на ледяную статую.

— Дорогая, — Ричард взял жену за руку, — это мисс Бомонт. — Затем повернулся к гостье: — Мисс Бомонт, леди Уиндем, моя жена. — Он сделал паузу, и в его голосе появилось напряжение. — Мисс Бомонт — сестра Джеймса. Моего друга.

На миг Виктория оцепенела. Сестра? Но слухи... Она быстро взяла себя в руки.

— Рада приветствовать вас в нашем доме, — произнесла она с лёгким кивком, изображая радушную хозяйку. — Скоро ужин, а пока не желаете ли чаю?

Они прошли в гостиную. У камина было уютно — огонь весело потрескивал, отгоняя сырость и пахло дымком. Марианна и Виктория расположились на диване, Ричард сел в кресло напротив. Дворецкий бесшумно подал чай — тонкий фарфор звякнул о блюдца.

— Чем обязаны столь неожиданному визиту? — поинтересовалась Виктория, помешивая чай ложечкой.

— Я узнала о вашей свадьбе, — быстро ответила Марианна. В её голосе звучала уверенность, но Виктория чувствовала напряжение — и у неё, и у Ричарда. — Примите мои искренние поздравления. Сейчас я направляюсь на север Англии к родственникам, вот и решила заглянуть — узнать, как поживает Ричард, чтобы потом передать новости моему дорогому брату.

— Благодарю вас, — ответила Виктория. — Скоро ужин. Надеюсь, вы не откажетесь составить нам компанию. Вы ведь не торопитесь?

— С удовольствием, если вы не против.

— Сегодня такая пасмурная погода. Где вы планировали остановиться на ночлег?

Марианна улыбнулась — легко и чуть рассеянно:

— О, признаться честно, я об этом не думала. Я продолжу путешествие сразу после ужина, а по пути уже решу, где остановиться.

— Если вы не очень торопитесь, можете остаться у нас. — Виктория повернулась к мужу.
— Правда, дорогой?

Ричард сидел, опершись на руку, с отсутствующим видом. Его пальцы барабанили по подлокотнику — едва слышно, но Виктория заметила. На мгновение их взгляды встретились.

— Думаю, это разумно, — сказал он негромко. — Путешествовать ночью — не лучшая идея, тем более в дождливую погоду. Оставайтесь. Утром отправитесь дальше.

Ужин прошёл спокойно и даже быстро. Марианна рассказывала лондонские новости — кто с кем обручился, кто разорился, кто уехал в Италию. Беседа текла в привычном светском русле, и Виктория удивлялась, как легко можно врать глазами, улыбаясь и подливая чай женщине, которую считаешь любовницей мужа.

Она наблюдала за ними весь вечер — и не могла найти ни одного явного намёка на близость. Ни лишнего взгляда, ни случайного прикосновения. Ричард сначала был хмур и немногословен, но к середине ужина расслабился — видимо, решив, что Виктория ничего не подозревает.

«Или он просто хороший актёр», — подумала она.

После ужина Виктория лично проводила гостью в отведённую ей комнату — ту, что находилась в конце коридора, на одном этаже с их спальнями. Половицы тихо поскрипывали под ногами, и где-то в стене печально вздыхала труба.

— Желаю вам спокойной ночи, — сказала Виктория, изобразив улыбку.

— И вам, леди Уиндем.

Только когда дверь её собственной комнаты закрылась за спиной, Виктория позволила себе выдохнуть. Она прислонилась к дубовой створке лбом, закрыла глаза. В груди всё дрожало. Она вела себя безупречно — гостеприимно, любезно, ничем не выдав своей ревности. Они с Ричардом не проговорились, а она подыграла — сделала вид, что ничего не знает.

Но завтра, когда Марианна уедет, она поговорит с ним. Объяснит, что не потерпит появления его любовницы в этом доме. Ни сейчас, ни когда-либо впредь.

Виктория мысленно прокручивала предстоящий разговор, и от этого на душе становилось только тяжелее. Она знала — лёгким он не будет. Но границы следовало установить с самого начала.

Так она и стояла у двери, погружённая в свои мысли, пока тихий звук в коридоре не вернул её к реальности.

Скрипнула дверь — дверь спальни Ричарда. Затем шаги. Тихие, почти бесшумные, но в ночной тишине особняка их невозможно было не различить. Они удалялись в конец коридора — туда, где находилась комната Марианны.

Сердце Виктории рухнуло куда-то вниз, а потом забилось с такой силой, что, казалось, должно разбудить весь дом. Неужели? Неужели у него хватило наглости пойти к любовнице, зная, что его жена — пусть и по договору — находится в нескольких шагах?

Это было унижение. Сознательное, жестокое, беспощадное.

Ярость поднялась в ней — не просто злоба, а настоящее пламя, которое обожгло горло, заставило руки дрожать. Она приоткрыла свою дверь, осторожно выглянула в щель и успела заметить, как белое пятно его рубашки исчезло за дверью Марианны.

«Может, показалось?»

Нет. Она вышла в коридор. Подкралась к комнате гостьи и прижалась ухом к двери.

Тихий разговор. Смех Марианны — мелодичный, но какой-то наигранный. И его голос — низкий, усталый, как после долгого дня.

Сомнений не осталось.

Виктория с силой толкнула дверь — та с грохотом ударилась о стену. Она ворвалась внутрь, сама не узнавая себя.

Марианна полулежала на кровати в кружевном пеньюаре, блаженно потягиваясь — как кошка, которой ничто не угрожает. Рядом, у изголовья, стоял Ричард. В брюках, сапогах, белой рубашке с закатанными рукавами. В его руке был... стакан воды.

— И что это значит, милорд? — Голос Виктории дрожал, но звучал громко и отчётливо.

Лицо Ричарда оставалось серьёзным, взгляд — холодным. Но она уловила ту самую потерянность, что мелькнула днём. Марианна же, напротив, смотрела на происходящее с лёгкой улыбкой — спокойно, даже с интересом, как на театральную постановку.

— Виктория, что ты здесь делаешь? — произнёс Ричард тихо, но весомо. — Тебе не следует вот так врваться к гостям.

Это замечание лишь подлило масла в огонь.

— Я всё про вас знаю, Ричард. — Она перевела взгляд на Марианну. — Думаешь, я не в курсе, кто она? Но позволить любовнице появиться в доме, где живёт твоя жена... Это унижительно. Это оскорбительно. Я не останусь здесь ни минуты.

Она резко развернулась и вылетела в коридор.

Ричард последовал за ней — нагнал уже у лестницы, схватил за руку и развернул к себе так резко, что она врезалась в его грудь. Ладонью он прижал её к стене — не больно, но так, что она не могла пошевелиться. Длинные волнистые волосы рассыпались по плечам. Они стояли так близко, что их дыхание смешалось в единый горячий ритм.

— Виктория, не устраивай скандал, — произнёс он тихим, но грозным шёпотом.

Она вскинула голову, и Ричард вдруг увидел её по-настоящему. Не ледяную мать семейства, не светскую жену по договору, которая вежливо улыбается за ужином. Перед ним стояла женщина, пылающая от ярости — глаза горят, щёки покраснелись, губы сжаты так, что в них угадывается сила, какой он в ней раньше не замечал. Грудь вздымается от частого дыхания, а на шее бьётся жилка — быстрее, быстрее.

Она была прекрасна. Прекрасна в своём гневе. Живая, настоящая.

Ричард почувствовал, как что-то перевернулось у него внутри. Желание ударило внезапно и нелепо — в самый неподходящий момент. Острое, почти болезненное. Ему захотелось притянуть её ближе, вжаться в эти губы, заставить замолчать поцелуем — таким же жёстким, как её слова. Удержать. Завладеть. Вдохнуть её запах.

Он почти подался вперёд. Их лица разделяли какие-то дюймы. Он чувствовал её дыхание на своих губах, видел, как расширились её зрачки, как она замерла — то ли от страха, то ли от чего-то иного. Её губы приоткрылись, и он готов был поклясться, что услышал, как она тихо, судорожно вздохнула.

Ещё мгновение — и он бы поцеловал её. Жадно, грубо, стирая все слова, все упреки, все границы их проклятого договора.

Но что-то остановило его. Мысль, холодная и отрезвляющая: *«Не так. Не сейчас. Не в гневе»*.

Он сжал свободную руку в кулак, вонзив ногти в ладонь до боли. Боль помогла. Он не отстранился, но замер, удерживая себя на самом краю.

— Я не устраиваю ничего, — выдохнула она, и он заметил, как её голос дрогнул. Она тоже что-то почувствовала? Или ему показалось? — Я просто не останусь в этом доме. Ни минуты. Я сейчас же разбужу детей и уеду в Хортон.

Она попыталась вырваться. Его хватка стала крепче — почти болезненной. Ему не хотелось отпускать. Совсем.

— Прекрати. Мы договорились — ты не лезешь в мою жизнь.

— Мы не договаривались, что вы будете меня унижать! — Она посмотрела на него с таким презрением, что у Ричарда перехватило дыхание. Но это презрение лишь подстегнуло то странное, запретное чувство. Она не боится. Она бросает ему вызов. — Как вы смеете? Как вы посмели привести её в этот дом?

— Я не приглашал её. Она была проездом. — Ричард заставил себя говорить ровно, хотя внутри всё кипело. — А вот ты сама пригласила её на ужин и предложила остаться.

Он всё ещё не отпускал её. Слишком близко. Слишком опасно близко. Он чувствовал тепло её тела. Чувствовал, как колотится её сердце — или это его собственное?

— Я вела себя как подобает хозяйке, зная, кто она! — Она почти кричала, но в глазах мелькнула растерянность — его взгляд был слишком тяжёлым, слишком странным. — Но я не могла предположить, что вы пойдёте к ней ночью! Я сейчас же уезжаю.

— Ты никуда не поедешь.

— Тогда выбирайте — или она, или я. Прямо сейчас этот дом покинет кто-то из нас.

Ричард молчал. Смотрел на неё — на приоткрытые губы, на то, как пульсирует жилка на шее. Поцеловать. Взять за волосы. Прижать к стене и заставить забыть о Марианне, о всём мире.

Он резко отстранился, словно обжёгся. Отступил на шаг, проводя рукой по лицу. Дыхание было сбито.

— Марианна сейчас уедет, — сказал он хрипло, не глядя на Викторию. — Можете больше не волноваться. Завтра поговорим. Идите к себе.

И ушёл, не оглядываясь — потому что знал: если оглянется, то уже не сможет остановиться.

Виктория осталась стоять у стены. В груди всё дрожало, и это дрожание не желало униматься. Она прижала ладонь к сердцу — оно колотилось где-то у горла.

«Это от гнева, — сказала она себе. — Только от гнева».

Но в памяти уже прокручивалось другое — его лицо в дюйме от её лица, он смотрел на неё так, как мужчина смотрит на женщину. Как... как он никогда не смотрел на неё раньше.

Она тряхнула головой, отгоняя наваждение, и спустилась в холл. Ей нужно было убедиться. Увидеть своими глазами.

Через десять минут Марианна спустилась по лестнице — уже одетая в дорожное платье, с саквояжем в руке. Проходя мимо Виктории, она замедлила шаг и бросила на неё короткий, полный презрения взгляд.

— Не думай, что он забудет обо мне, — негромко сказала она и вышла за дверь, в холодную ночь.

За окном застучали копыта — карета тронулась. Виктория осталась стоять в пустом холле. Она должна была чувствовать только облегчение — Марианна уехала. Но внутри всё кипело, и это кипение не имело имени.

«Завтра, — напомнила она себе. — Завтра серьёзный разговор».

Но она понимала — завтра всё будет уже не так просто. Потому что сегодня, в эту минуту, между ними что-то сломалось.

Она медленно поднялась к себе, вошла в спальню и закрыла дверь. Села на край кровати, глядя в пустоту.

А в соседней комнате Ричард стоял у окна, глядя на дождь, и сжимал в кулаке маленький камешек, который подобрал когда-то на берегу Темзы, — глупая привычка, помогавшая думать. Он думал о Виктории. О том, как она выглядела, прижатая к стене. О том, как её глаза горели не только гневом. О том, что он едва не поцеловал её — свою жену по сделке, женщину, которую считал «заурядной».

Он ошибался. Она не была заурядной. Она была... опасной. Опасной для его планов, для его покоя, для его тщательно выстроенной жизни, где всё было под контролем.

И он понятия не имел, что с этим делать.

Глава 13

Утро после отъезда Марианны выдалось серым и тихим. Дождь наконец перестал, но небо оставалось затянутым плотной пеленой облаков. Уиндем-холл, казалось, затаил дыхание вместе со своими обитателями.

Виктория провела бессонную ночь. Она лежала, глядя в потолок, и прокручивала в памяти каждое слово, каждый жест, каждый взгляд минувшего вечера. Его лицо в дюйме от её лица. Его дыхание на её губах. И это странное, пугающее чувство, которое она испытала, когда он прижал её к стене.

Она встала с рассветом, оделась тщательнее обычного, словно доспехи могли защитить её от предстоящего разговора. Она знала: он захочет объясниться. И она боялась этого объяснения больше, чем вчерашней сцены.

Мистер Хиггинс нашёл её в малой гостиной, где она бесцельно перебирала страницы книги, не видя ни строчки.

— Миледи, — дворецкий поклонился, и в его голосе Виктории послышалось что-то похожее на сочувствие, — его сиятельство просит вас пройти в кабинет. Он желает говорить с вами.

Она кивнула, отложила книгу и поднялась. Ноги были ватными, но она заставила себя идти ровно, с прямой спиной. В конце концов, она — леди Уиндем. По крайней мере, по документам.

Ричард стоял у окна, когда она вошла. Он не обернулся на звук открывающейся двери, только чуть повернул голову, обозначая, что заметил её присутствие.

Виктория остановилась у порога, не решаясь пройти дальше. Она видела его отражение в оконном стекле — тёмный силуэт на фоне серого неба, неподвижный, словно высеченный из камня.

— Вы хотели меня видеть, милорд, — произнесла она, и её голос прозвучал ровно, почти безжизненно.

Он наконец обернулся. Его лицо было спокойным, но в глазах — та самая настороженность, которую она заметила ещё вчера, когда Марианна переступила порог их дома.

— Да, Виктория. Проходи, садись.

Она покачала головой.

— Я постою, если вы не против.

Он помолчал, словно собираясь с мыслями, и заговорил. Его голос звучал ровно, холодно, деловито — так, словно он зачитывал пункты договора, а не объяснялся с женой после того, как его любовница едва не осталась ночевать под одной крышей с ней.

— Как ты уже, вероятно, поняла, между мной и Марианной существуют... близкие отношения. Это длилось некоторое время до нашей свадьбы. Поэтому, когда она появилась вчера без приглашения, я счёл необходимым поговорить с ней наедине. — Он сделал паузу, и его челюсть чуть сжалась. — Я отправился в её комнату, чтобы выразить недовольство её дерзким появлением в моём доме. Я намеревался сказать, чтобы на рассвете она уехала, не беспокоя тебя больше своим присутствием. Но я не успел и рта раскрыть, как ты появилась в дверях.

Виктория подняла на него глаза. В её взгляде больше не было ни растерянности, ни боли — только холодная, отточенная сталь.

— А что мне оставалось делать, милорд? — Она чуть склонила голову, и в её голосе прозвучала горькая, едва сдерживаемая ирония. — Я знала, кто она. Знала с первого взгляда, ещё там, на балу у лорда Стенли. Я слышала, как дамы обсуждали вашу... связь. И когда эта женщина появилась в этом доме, я сделала единственное, что могла сделать, не уронив собственного достоинства: я приняла её как хозяйка. Пригласила к ужину. Предложила остаться. Всё для того, чтобы никто — ни она, ни вы, ни слуги — не увидели, как мне больно. — Она

сделала паузу, и её голос дрогнул лишь на последнем слове. — А вы пошли к ней ночью. Зная, что я здесь. Зная, что я не сплю.

Ричард молчал. Его спина оставалась прямой, но что-то в его лице изменилось. Он смотрел на Викторию, и в его глазах медленно проступало понимание.

— Я не буду оправдываться перед тобой, Виктория. — Он замолчал, отвёл взгляд, и его челюсть сжалась, словно следующее слово далось ему с трудом. — Но я прошу прощения. За то, что поставил тебя в неловкое положение. Я не хотел этого.

Он снова посмотрел на неё, и в его глазах больше не было холода — только странная, усталая искренность.

— Я обещал защищать тебя. И я своё слово сдержу. Марианна здесь больше не появится. Никогда. Даю слово.

Он замолчал, словно ожидая ответа, но Виктория стояла неподвижно. Её лицо оставалось бледным, а руки, сжатые в замок, побелели от напряжения.

— Давай забудем это недоразумение, — сказал он тише. — И не будем больше об этом говорить.

Виктория медленно подняла глаза. Её голос прозвучал ровно, почти безжизненно.

— Благодарю вас за откровенность, милорд. Я принимаю ваши извинения. Но прошу вас — не давайте мне больше никаких обещаний. Ваша личная жизнь меня не касается. Так было оговорено в самом начале нашей сделки.

Он вздрогнул — едва заметно, но она увидела. Что-то промелькнуло в его глазах: то ли боль, то ли гнев, то ли растерянность. Но она уже опустила взгляд.

— Как только Хортон будет готов, я уеду туда. С детьми. И больше не буду для вас досадной помехой.

Она развернулась и вышла, не дожидаясь ответа. За её спиной повисла тишина — тяжёлая, густая, как вода в пруду. Ричард остался стоять у окна, глядя на закрывшуюся дверь, и впервые за долгое время не знал, что сказать. Он всё сделал правильно. Объяснил. Попросил прощения — сам, не по принуждению. Дал слово.

Почему же у него было такое чувство, что он только что потерял нечто гораздо более важное, чем земли Хортона?

Завтрак прошёл в молчании. Они сидели за одним столом — на разных его концах, — и тишина между ними была такой плотной, что, казалось, её можно было резать ножом. Виктория смотрела в тарелку, делая вид, что ест. Ричард не притронулся к еде, только пил кофе, глядя в окно. Мистер Хиггинс, прислуживавший за столом, двигался бесшумно, словно боялся нарушить это хрупкое, звенящее безмолвие.

Обед прошёл так же. Они обменялись парой вежливых фраз — о погоде, о детях, о том, что Генри снова просился кататься на пони. Слова падали в пустоту, не достигая цели. Стена между ними выросла выше, чем когда-либо, и Виктория не знала, хочет ли она её разрушать.

Она думала о кольце, спрятанном в шкатулке с её скромными украшениями. О Бриггсе, который ждал её через три дня в охотничьем домике. О том, что у неё нет денег, нет защиты, нет будущего — только тайна, которая могла разрушить всё в любой момент. И о том, что Ричард, даже если бы захотел, не смог бы её защитить. Потому что правда, которую она скрывала, была сильнее любых его обещаний.

Вечером они отправились на бал в соседнее поместье — лорд и леди Эшби устраивали приём в честь помолвки своей старшей дочери. Виктория надела дымчато-розовое платье — то самое, что тётушка Лидия заставила её купить в Лондоне, с тонкой вышивкой по лифу и струящейся юбкой, которая мягко колыхалась при каждом шаге. Горничная убрала её волосы в высокую причёску, оставив несколько локонов свободно ниспадать на плечи, и закрепила в них фамильные сапфиры Харингтонов.

Она посмотрела на себя в зеркало и не узнала. Оттуда на неё смотрела не бледная вдова в тёмном платье, а молодая, красивая женщина с блестящими глазами и гордой осанкой. Леди Уиндем. По крайней мере, снаружи.

Когда она спустилась по лестнице, Ричард уже ждал в холле. Он стоял, опершись о перила, в безупречном вечернем фраке, и его лицо было непроницаемым. Но когда он поднял голову и увидел её, что-то дрогнуло в его глазах. Он выпрямился, и его взгляд медленно скользнул по ней — от сапфиров в волосах до подола розового платья. Он ничего не сказал, только чуть склонил голову в молчаливом поклоне и предложил руку.

Она приняла её, и они вышли к карете.

Бал у Эшби был именно таким, каким и положено быть уездному балу: немного провинциальным в своей пышности, немного неловким в попытках подражать Лондону, но по-своему очаровательным. Зал был украшен гирляндами из живых цветов, оркестр играл вальсы и контрдансы, а гости — соседи-помещики, офицеры из ближайшего гарнизона, местные сквайры с семьями — наполняли комнаты гулом голосов и смехом.

Но Виктория почти не замечала окружающих. Потому что Ричард вёл себя так, как никогда раньше.

Он не отходил от неё весь вечер. Приносил лимонад, когда она уставала от шампанского. Приглашал на каждый танец, не давая другим джентльменам и шанса приблизиться. Когда пожилая леди, миссис Крофтс, попыталась завести с Викторией долгую беседу о розах, он встал рядом и слушал с таким внимательным видом, что миссис Крофтс, смутившись, поспешила ретироваться. Когда молодой офицер, капитан Блейк, пригласил Victорию на котильон, Ричард вежливо, но твёрдо сообщил, что леди Уиндем обещала этот танец мужу.

— Вы сегодня очень... внимательны, милорд, — заметила Виктория, когда они отошли от разочарованного капитана.

— Разве муж не должен быть внимателен к своей жене? — ответил он, и в его голосе прозвучала лёгкая, почти незаметная усмешка.

Она не нашлась, что ответить.

Одна пожилая дама, наблюдавшая за ними из-за веера, шепнула своей спутнице:

— Вы только посмотрите на виконта Уиндема. Я знаю его десять лет и ни разу не видела, чтобы он так смотрел на женщину. Похоже, молодожёны всё-таки счастливы.

Но Виктория этого шёпота не слышала. Она видела только его — такого внимательного, такого обходительного, такого... чужого в этой новой роли. И не верила. Не могла поверить. Слишком свежа была рана вчерашней ночи, слишком громко звучали в ушах его утренние слова.

Она ждала подвоха. Ждала, что вот-вот он отвлечётся, заговорит с кем-то другим, и маска заботливого мужа спадёт. Но маска не спадала. И от этого было только страшнее.

После очередного танца — на этот раз медленного, плавного вальса, во время которого его рука лежала на её талии с той же бережной твёрдостью, что и на их первом балу, — он наклонился к ней и тихо сказал:

— Здесь душно. Выйдем на балкон?

Она кивнула, не в силах отказать. Ей и самой нужен был воздух — и несколько минут в тишине, чтобы собраться с мыслями.

Балкон выходил в сад. Ночь была безлунной, но звёзды, рассыпанные по чёрному бархату неба, светили ярко. Воздух был прохладным и сладким, напоённым ароматами цветов.

Виктория подошла к перилам и оперлась на них, глядя в темноту сада. Ричард встал рядом — не слишком близко, но так, что она чувствовала тепло его плеча.

Несколько мгновений они молчали. Потом она усмехнулась — горько, невесело — и произнесла, не глядя на него:

— Ричард, вы знаете, что вы отличный актёр. Сегодня вы превосходно играете роль заботливого мужа.

Он не ответил сразу. Она слышала его дыхание за спиной — ровное, спокойное, но что-то в этом спокойствии было обманчивым, как гладь озера, под которой прячется глубина.

— А что, если я не играю?

Его голос прозвучал низко, хриловато, и от этого звука по её спине побежали мурашки. Она медленно обернулась.

Он стоял ближе, чем она думала. Намного ближе. Его лицо было в тени, но глаза — она видела его глаза. В них не было привычной холодности, было что-то иное — тёмное, жаркое, пугающее своей откровенностью.

— Что, если я действительно ищу расположения своей жены?

Она не успела ответить. Он шагнул вперёд, сократив последние дюймы между ними, и поднял руку. Его пальцы коснулись её щеки — осторожно, почти благоговейно, словно она была чем-то хрупким и бесценным. Он провёл большим пальцем по её скуле, и Виктория замерла, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Виктория...

Он приблизился к её губам и поцеловал нежно, едва касаясь. Его губы были тёплыми и мягкими, и в этом прикосновении было столько осторожности, что у неё перехватило дыхание. Виктория сама не понимая, что делает, чуть подалась вперёд, отвечая.

Её губы дрогнули под его губами — робко, неуверенно, как у девушки, которую никогда прежде не целовали по-настоящему. И это движение, это едва уловимое согласие, словно сломало в нём последние преграды.

Он прижал её к себе крепче. Одна рука легла на её талию, вторая скользнула вверх, к затылку, путаясь в локонах. Поцелуй стал глубже, жарче — в нём проснулось что-то, чего Ричард сам от себя не ожидал. Страсть, которую он привык контролировать, держать в узде, вдруг вырвалась наружу, как река, прорвавшая плотину. Он целовал её жадно, иступлённо.

Виктория не могла дышать. Её руки, помимо воли, легли на его грудь, чувствуя, как бешено колотится его сердце — в том же ритме, что и её собственное. Мир вокруг исчез. Не было ни бала, ни гостей, ни музыки, ни звёзд. Был только он — его губы, его руки, его запах, его тепло. Она тонула в этом поцелуе, и ей не хотелось спасаться.

Когда он наконец отстранился, они оба тяжело дышали. Его лоб прижался к её лбу, и она чувствовала его дыхание на своих губах — частое, горячее, сбитое. Его руки всё ещё держали её.

Виктория открыла глаза. И увидела его лицо — так близко, что могла разглядеть каждую ресницу, каждую чётточку. В его глазах было изумление. Настоящее, глубокое потрясение, словно он сам не понимал, что только что произошло. Словно этот поцелуй открыл в нём что-то, о чём он даже не подозревал.

Она почувствовала, как краска заливает её щёки. Её губы всё ещё горели, а в груди всё переворачивалось от чего-то огромного, пугающего. Он смотрел на неё, и в его взгляде было столько всего сразу — удивление, нежность, желание.

Она мягко высвободилась из его объятий и отступила на шаг. Её руки дрожали, и она сцепила их в замок, чтобы он не заметил.

— Милорд, — её голос прозвучал тихо, но твёрдо, — это было лишним. Скоро я уеду в Хортон, а вы отправитесь в своё путешествие. Давайте не будем всё усложнять.

Он нахмурился. Что-то промелькнуло в его глазах — боль, может быть, или раздражение, — но она не дала себе времени разглядеть.

— Виктория, тебе незачем возвращаться в Хортон. Ты можешь жить в Уиндем-холле. Это и твой дом тоже.

Она покачала головой. Её глаза блестели — то ли от слёз, то ли от гнева, то ли от того и другого вместе.

— Милорд, я понимаю, какую игру вы ведёте. Вы хотите, чтобы всё было так, как вы желаете. Дома — покорная жена с вязанием, которая ждёт вас из очередного плавания. В Лондоне — любовница. Удобно. Разумно. — Она вскинула голову, и в её взгляде была сталь. — Но я не согласна на это. Давайте придерживаться нашей первоначальной сделки. И не будем усложнять.

Она развернулась и ушла, оставив его одного на балконе.

Ричард не пошёл за ней. Он стоял, вцепившись пальцами в каменные перила, и смотрел в темноту сада, не видя ни звёзд, ни цветов, ни чего-либо ещё. Его губы всё ещё горели от её поцелуя — первого настоящего поцелуя за всё время их странного, вывернутого наизнанку брака. И он не мог понять, что только что произошло.

Она ответила. Он почувствовал это. Она хотела этого поцелуя не меньше, чем он. Он был уверен.

Тогда почему? Почему она оттолкнула его? Почему заговорила о сделке, о Хортоне, о том, что «всё усложнять не нужно»?

«Удобно. Разумно. Покорная жена с вязанием».

Её слова жгли его, как пощёчина. Он заслужил их — он сам, своими утренними речами, своими «пунктами договора», дал ей повод так думать.

Но было что-то ещё. Что-то, чего он не мог уловить. В её глазах, когда она отступала, был не только гнев. Был страх. Настоящий, глубокий. И этот страх не имел ничего общего с Марианной или его утренними словами.

«Что ты скрываешь, Виктория?»

Он не знал. Но он чувствовал: стена, которую она снова возвела между ними, сложена не только из его ошибок.

Виктория вернулась к гостям и, не глядя по сторонам, прошла к выходу. Она попрощалась с хозяйкой, сослалась на усталость и вышла к карете.

Через несколько минут появился Ричард. Он сел напротив, и кучер тронул лошадей. Карета мягко покатила по ночной дороге, и в её тёмном чреве повисла тишина — тяжёлая, непроницаемая, как та стена, что выросла между ними.

Виктория смотрела в окно, но не видела ничего — ни проплывающих мимо деревьев, ни редких огней далёких ферм. Перед её глазами всё ещё стояло его лицо в тот миг, когда он отстранился после поцелуя. Изумление. Нежность. Желание. Всё то, о чём она не смела даже мечтать.

И всё то, чего она должна была избегать любой ценой.

Ей хотелось плакать. Ей хотелось кричать. Ей хотелось повернуться к нему, уткнуться в его грудь и рассказать всё — о детях, о Мэгги, о старом графе, о Бригтсе, о том что этот поцелуй на балконе был для неё первым настоящим поцелуем. Но она не могла. Потому что если он узнает правду — всё рухнет. Он не простит её. Он вышвырнет её и детей из Уиндем-холла, и она останется одна, без денег, без защиты. И тогда — конец. Конец всему.

Она закрыла глаза и представила Джоанну и Генри. Их смех. Их тёплые ладошки. Их будущее, которое зависело только от неё.

Ради них она выдержит всё.

Ричард сидел напротив и смотрел на неё. Она не отрывала взгляда от окна, но он видел её отражение в тёмном стекле — бледное, застывшее, с плотно сжатыми губами. Она снова надела маску. Ту самую, которую он ненавидел, — маску вежливой, покорной и совершенно недостижимой.

Карета въехала в ворота Уиндем-холла и остановилась у парадного входа. Ричард вышел первым и подал ей руку. Она приняла её — холодные пальцы едва коснулись его ладони, — и тут же отпустила, словно обжегшись.

Они вошли в дом. Мистер Хиггинс, встречавший их в холле, открыл было рот, чтобы спросить, не нужно ли чего, но, взглянув на лица хозяев, осёкся и молча отступил в тень.

Виктория поднялась по лестнице первой. Ричард смотрел ей вслед — на прямую спину, на гордо поднятую голову, на сапфиры, мерцающие в волосах. Она не обернулась. Её шаги стихли в коридоре, и через мгновение он услышал, как закрылась дверь её спальни.

Он остался стоять в холле. Тишина дома давила на плечи, как каменная плита. Всё, чего он добился за последние недели, — её улыбка, её смех, её первое «Ричард», её доверие, — всё исчезло. Растаяло, как утренний туман.

Он медленно поднялся в свою комнату, не зажигая свечи, подошёл к окну и долго смотрел в темноту. Где-то там, за холмами, лежал Хортон. Она хотела уехать туда. С детьми. И больше не быть для него «досадной помехой».

Он не мог этого допустить. Но он не знал, как её удержать.

Впервые в жизни Ричард Харингтон, человек, привыкший просчитывать ходы на десять шагов вперёд, не имел ни плана, ни стратегии, ни малейшего представления о том, что делать дальше.

У него было только одно — образ женщины в розовом платье, которая поцеловала его на балконе так, словно от этого зависела её жизнь — а потом оттолкнула так, словно от этого зависела её жизнь тоже.

Глава 14

Утро после бала у Эшби выдалось солнечным и ясным, но в кабинете виконта Уиндема царил полумрак. Тяжёлые шторы были задёрнуты, и только узкая полоска света пробивалась сквозь щель, падая на полированный дубовый стол и на руки Ричарда, сжимавшие давно остывшую чашку кофе.

Он сидел, откинувшись в кресле, и в сотый раз прокручивал в памяти события минувшего вечера. Бал. Её лицо в розовом платье. Её улыбка, адресованная не ему, а кому-то в толпе, но всё равно заставлявшая его сердце биться чаще. Их танец. Их разговор на балконе. И поцелуй.

Он закрыл глаза, и перед ним снова всплыло её лицо — в дюйме от его лица, с прикрытыми веками и дрожащими ресницами. Её губы, ответившие ему с робкой, неуверенной нежностью, прежде чем она отстранилась и произнесла те слова, что до сих пор звенели у него в ушах: «Милорд, это было лишним».

Она назвала его игрой «превосходной». Она не поверила ему. И после всего, что он сделал — после того, как он не отходил от неё весь вечер, после того, как он, Ричард Харингтон, который никогда ни перед кем не заискивал, искал её расположения, — она всё равно не поверила.

Он усмехнулся — горько, безрадостно. Впервые в жизни он попытался быть с женщиной искренним, и что получил? Стену.

Но чем больше он думал, тем яснее понимал: дело было не только в Марианне. Да, его глупая, неуклюжая попытка сохранить контроль над ситуацией, его ночной визит к бывшей любовнице — всё это дало Виктории повод сомневаться. Но было что-то ещё. Что-то, что она скрывала. Что-то, что заставляло её вздрагивать каждый раз, когда он подходил слишком близко.

Он вспомнил её слова там, в кабинете, после отъезда Марианны: «Как только Хортон будет готов, я уеду туда. С детьми. И больше не буду для вас досадной помехой». Она говорила это с такой холодной решимостью, словно уже всё для себя решила. Словно её отъезд был не просто желанием, а необходимостью.

Почему? Что она прятала?

Ричард потёр переносицу. Он мог бы надавить. Мог бы потребовать ответа. Но он знал: это только оттолкнёт её ещё дальше. К тому же, если он заставит её открыться, что он сам сможет предложить взамен?

Вот он — главный вопрос, который он задавал себе всё это утро, глядя в потолок. Готов ли он отказаться от всего? От путешествий, от свободы, от той жизни, которую так тщательно выстраивал годами? Готов ли он стать тем мужем, которого, как ему казалось, она заслуживает, — внимательным, заботливым, сидящим у камина с книгой, пока она вяжет рядом?

Он честно, безжалостно честно ответил себе: нет. Не готов.

Он не представлял себя в роли оседлого помещика, который годами не видит ничего, кроме собственных полей и соседских балов. Он не представлял, что откажется от «Ариадны», от планов на Америку, от солёного ветра и горизонта, уходящего в бесконечность. Это было частью его сути — той самой, которую он не мог предать, даже ради женщины, заставившей его сердце биться чаще.

А раз так — значит, Виктория была права. Их соглашение должно оставаться в силе. Сделка — и ничего больше. Она уедет в Хортон, он отправится в плавание, и каждый заживёт своей жизнью, как и планировалось с самого начала.

Он принял это решение с холодной, почти деловой решимостью. Так будет лучше. Для неё. Для него. Для всех.

Он поднялся, раздвинул шторы и впустил в кабинет солнечный свет. Затем сел за стол и развернул отчёт из Хортон, присланный мистером Грейвзом. Ремонт почти закончен. Ещё неделя-две — и дом будет готов принять хозяйку.

Ричард сжал перо и начал писать распоряжения.

Следующие два дня прошли именно так, как он решил.

Он почти не разговаривал с Викторией. Завтракал рано, пока она ещё была с детьми, обедал в одиночестве в кабинете, ссылаясь на дела, ужинал коротко, обмениваясь лишь самыми необходимыми фразами. Всё своё время он проводил либо за бумагами, либо в разъездах: ферма требовала проверки счетов, мельница — нового пресса, а Хортон, куда он заезжал лично, — хозяйского глаза.

Он возвращался поздно, усталый и пропылённый, проходил в кабинет, даже не спрашивая, как прошёл её день. Ему казалось — он убеждал себя, — что так правильно. Что так они оба быстрее привыкнут к мысли о скором расставании.

И, глядя на Викторию, он не видел причин сомневаться в своём решении. Она казалась совершенно спокойной. Улыбалась детям, играла с ними в саду, читала в библиотеке. Ни тени грусти, ни попытки заговорить с ним, ни взгляда, брошенного украдкой. Словно тот поцелуй на балконе был лишь сном, который растаял с рассветом.

«Её всё устраивает, — думал Ричард, сидя в одиночестве с бокалом виски после очередного молчаливого ужина. — Тем лучше».

Он старался не замечать, как при этой мысли что-то болезненно сжимается у него в груди.

На третий день Ричард уехал с утра к дальним арендаторам — нужно было уладить спор о границах выпаса, и он предполагал вернуться лишь к вечеру. Виктория, проводив его взглядом из окна библиотеки, выждала четверть часа — ровно столько, сколько требовалось, чтобы стук копыт стих вдали, — и быстро поднялась в свою комнату.

Там, в нижнем ящике бюро, под стопкой белья, лежал свёрток. Она развернула его: простое чёрное платье для верховой езды, купленное в Лондоне вместе с остальными нарядами, но ни разу не надетое. Тётушка Лидия тогда удивилась — зачем леди Уиндем скромный костюм для прогулок? — но Виктория лишь улыбнулась и перевела разговор.

Теперь она знала — зачем.

Она оделась быстро, привычными движениями затянула шнуровку, убрала волосы под маленькую шляпку. Кольцо — то самое, тонкий золотой ободок с крошечным бриллиантом, — лежало в кармане её платья, завернутое в носовой платок. Она коснулась его, проверяя, на месте ли, и сделала глубокий вдох.

Страх скручивал внутренности в тугий узел. Но выбора не было.

Внизу, в холле, её встретил мистер Хиггинс.

— Миледи, вы уезжаете?

— Да, Хиггинс. Хочу проехаться в Хортон, посмотреть, как продвигается ремонт. — Она заставила себя улыбнуться. — Его сиятельство так занят, что некому проверить, кроме меня.

Дворецкий поклонился, но в его глазах мелькнула тень сомнения.

— Прикажете подать экипаж?

— Нет, я поеду верхом. Погода прекрасная, хочется проветриться.

— Но, миледи, одной...

— Со мной ничего не случится, Хиггинс. Я знаю дорогу.

Она вышла, прежде чем он успел возразить, и вскоре уже сидела в седле гнедой кобылы. Солнце стояло высоко, ветер трепал пряди волос, выбившиеся из-под шляпки. Дорога была пуста и спокойна.

Но она не поехала в Хортон. У развилки, где старая тропа уходила в лес, она придержала лошадь, оглянулась — не видит ли кто? — и направила кобылу в чащу.

Охотничий домик стоял на границе земель Хортон, в густом буковом лесу, куда даже егеря заглядывали редко. Когда-то Уильям, ещё здоровый, приезжал сюда на несколько дней — охотиться, размышлять, пить чай у камина. Теперь домик был заброшен, дорожка заросла, а ставни на окнах покосились.

У крыльца, привязанная к старой коновязи, стояла чужая лошадь.

Сердце Виктории ушло в пятки. Он уже здесь.

Она спешила, привязала кобылу рядом и, не давая себе времени на страх, толкнула скрипучую дверь.

Внутри было сумрачно и пахло плесенью, старой золой и чем-то кисловатым. Мистер Бриггс сидел на расшатанном стуле у погасшего камина и неторопливо набивал трубку. При виде Виктории он расплылся в улыбке, обнажившей щербатые зубы.

— А, леди Уиндем! А я уж думал, не придёте. — Он отложил трубку и поднялся, разглядывая её с той же наглой бесцеремонностью, что и на балу. — Принесли деньги?

Виктория сжала кулаки.

— У меня нет денег, мистер Бриггс. Я же говорила.

Улыбка сползла с его лица.

— Тогда зачем вы здесь? Мы договаривались о ста фунтах.

— У меня нет денег, — повторила она, доставая из кармана носовой платок и разворачивая его. На ладони блеснул тонкий золотой ободок с крошечным бриллиантом. — Это всё, что я могу вам дать. Возьмите и уходите.

Бриггс уставился на кольцо, и в его маленьких глазках вспыхнул алчный огонёк. Он протянул руку, но Виктория отдёрнула ладонь.

— Сначала выслушайте. Это кольцо — фамильная драгоценность Харингтонов. Оно стоит куда больше ста фунтов. Продайте его — и вы получите свои деньги. Но взамен вы оставите меня в покое. Навсегда. — Её голос дрожал, но звучал твёрдо. — Потерю одного кольца я ещё смогу объяснить, но я более не буду обманывать мужа. Если вы ещё раз появитесь, я сама расскажу виконту Уиндему всё. Всё, и то, что вы мне угрожали. И поверьте, мистер Бриггс, мой муж — человек решительный. Вам не поздоровится.

Это был блеф. Она знала, что не сможет рассказать Ричарду правду — именно правду Бриггс и мог использовать против неё. Но он-то думал, что у неё хватит духу. И это был её единственный козырь.

Бриггс смотрел на неё, склонив голову набок. Потом медленно, не сводя глаз с кольца, кивнул.

— Хорошо, миледи. Будь по-вашему. — Он взял кольцо, поднёс к свету, прищурился. — Сойдёт.

Виктория развернулась и, не оглядываясь, вышла из домика. Её трясло, но она заставила себя идти ровно, отвязать лошадь, сесть в седло. И только когда лес остался за спиной, а впереди показались поля Уиндем-холла, она позволила себе выдохнуть.

Дело было сделано. Или ей только казалось.

Когда она въехала на подъездную аллею и увидела у крыльца лошадей — знакомую гнедую Ричарда и экипаж, который, видимо, только что подъехал, — сердце снова упало.

Он вернулся раньше.

Она спешила, передала поводья груму и вошла в дом. В холле её встретил мистер Хиггинс, и его лицо выражало непривычную тревогу.

— Миледи, вы вернулись! Его сиятельство...

— Я здесь.

Ричард вышел из кабинета. Он был в той же одежде, что и утром, только сюртук сбросил и остался в белой рубашке с закатанными рукавами. Лицо его было мрачным, а в глазах — та самая сталь, которую Виктория не видела со дня их первой встречи.

— Где вы были? — Его голос звучал тихо, но в нём кипело раздражение.

— Ездил осмотреть Хортон. Я же предупредила мистера Хиггинса.

— Вы предупредили дворецкого, но не меня. — Он шагнул к ней. — Я вернулся час назад и узнал, что моя жена уехала одна, верхом, неизвестно куда. Я уже собирался седлать коня и ехать на поиски.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы меня искали, милорд. Я взрослая женщина.

— Вы — леди Уиндем, и вы не можете вот так, одна, без кучера, без грума, без сопровождения, разъезжать по окрестностям! Вы хоть понимаете, что я... — Он осёкся, сжав зубы.

Виктория подняла на него глаза. В его лице было не только раздражение. Там, под сталью, она разглядела то, что он так старательно прятал, — страх. Настоящий страх за неё.

— Я думал, с вами что-то случилось, — закончил он глуше, отводя взгляд. — В следующий раз, когда соберётесь покинуть дом, будьте любезны предупредить меня лично.

Виктория опустила голову. Ей было стыдно — и за свой обман, и за то, что заставила его волноваться. Но она не могла сказать правду.

— Простите, милорд. Я не хотела вас беспокоить. Этого больше не повторится.

Ричард долго смотрел на неё. Потом коротко кивнул, развернулся и ушёл в кабинет, закрыв за собой дверь.

Виктория осталась стоять в холле. Она понимала: он злится не потому, что она нарушила правила. Он злится потому, что испугался. И от этого понимания ей было только больнее.

Она поднялась к себе, сняла пропылённый костюм и долго сидела у окна, глядя на закат. Кольца больше не было в кармане. Но на душе не стало легче.

Глава 15

На следующее утро Ричард сидел в кабинете, разбирая бумаги, когда в открытое окно ворвался звук, заставивший его отложить перо: смех. Мелодичный, лёгкий, переливчатый — тот самый смех, который он так редко слышал от неё.

Он поднялся и подошёл к окну.

В саду, залитом утренним солнцем, стояла Виктория. Её лицо, освещённое мягким светом, было оживлённым и радостным. Рядом с ней, с лейкой в одной руке и садовыми ножницами в другой, находился Густав. Он что-то рассказывал — видимо, одну из своих бесконечных историй про французские сады и капризные пионы, — активно жестикулировал, и Виктория смеялась. Не сдержанно, не вежливо, как с ним, а открыто, свободно, запрокидывая голову.

Ричард смотрел на неё и чувствовал, как внутри закипает что-то тёмное, непривычное. Не гнев, не раздражение — ревность. Острая и болезненная.

С ним она была напряжена. С ним взвешивала каждое слово. А с садовником смеялась, как девчонка. Почему?

Он заставил себя отойти от окна и вернуться к столу, но работа не шла. Мысли крутились вокруг одного и того же: когда она в последний раз улыбнулась ему вот так — открыто, без страха и оглядки? Никогда. Ни разу с их первой встречи. Что, если у неё кто-то есть? Что, если её холодность объясняется не только Марианной и условиями их сделки, но и тем, что её сердце уже занято? Кем-то, кому она улыбается так открыто. Кем-то, кто знает её настоящую — ту, что прячется за маской вежливой леди.

Он вспомнил завтрак. Как Виктория, проходя мимо Хиггинса, едва заметно передала ему сложенный листок бумаги. Тогда он не придавал этому значения — подумал, распоряжение на кухню или список покупок. Но теперь, подогреваемый ревностью, его ум начал выстраивать подозрительные цепочки. Что, если это была записка для кого-то другого? Что, если Хиггинс — её посредник в тайной переписке?

Он дёрнул шнурок звонка. Через минуту в дверях появился дворецкий.

— Хиггинс, — Ричард постарался придать голосу обычную деловитость, — я видел, как леди Уиндем передала вам записку за завтраком. Что в ней было?

Хиггинс моргнул. Его лицо, обычно бесстрастное, выразило лёгкое удивление.

— Леди Уиндем написала для меня рецепт мази, милорд. От болей в спине. Я как-то обмолвился при ней, что страдаю прострелами в сырую погоду, и её милость любезно предложила помочь.

Ричард помолчал. Мазь. От болей в спине. Его жена, которую он подозревал в тайной переписке с любовником, просто пожалела старого дворецкого.

— Благодарю, Хиггинс. Можете идти.

Дворецкий поклонился и вышел. Ричард остался стоять у стола, чувствуя, как краска стыда приливает к щекам. Он должен был сразу это понять. Понять, что она не способна на интриги. Что её доброта — не маска, а суть. Но тень недоверия, раз поселившись в душе, не желала уходить. Она была слишком холодна с ним. Слишком далека. И он не мог отделаться от мысли, что причина — не только в нём.

День прошёл в разъездах. Ферма, арендаторы, снова ферма. Ричард вернулся затемно, усталый и пропылённый, наскоро поужинал в одиночестве и поднялся в спальню. За окном стрекотали сверчки, в доме было тихо.

Он заснул быстро, но среди ночи проснулся от духоты. В комнате было невыносимо жарко и душно, словно весь зной минувшего дня впитался в каменные стены и теперь дышал в лицо. Ричард поднялся, распахнул окно, впуская прохладный ночной воздух, и замер.

Внизу, у чёрного хода, стояли две лошади. Одна из них — гнедая кобыла Виктории. Вторая — рослый серый мерин, которого Ричард не узнал. В свете луны он разглядел, как кто-то в женском платье садится в седло, и сердце его пропустило удар.

Виктория. Она уезжала. Ночью. Тайком.

Кровь застучала в висках. Значит, его догадки верны. У неё кто-то есть. И она сейчас едет к нему.

Он не помнил, как натянул брюки и рубашку, как выскочил в коридор. Через минуту он уже стоял перед дверью её спальни и распахивал её без стука.

Кровать была пуста. Покрывало не смято. Она даже не ложилась.

Ричард сбежал по лестнице, не зажигая свечей. В холле было темно и тихо. Он обошёл первый этаж, проверяя двери. Все заперты. Все, кроме одной — маленькой двери в зимний сад. Оттуда тянуло прохладой, пахло влажной землёй и ночными цветами.

Он прошёл через оранжерею, мимо тёмных силуэтов пальм и папоротников, в малую гостиную, смежную с зимним садом. Здесь было темно, только лунный свет лился сквозь стеклянный потолок, серебрил пустые кресла и диваны.

Ричард не стал будить слуг. Не стал поднимать шум. Вместо этого он взял с подноса в углу бутылку виски, стакан и сел в кресло лицом к двери.

Он будет ждать.

Прошло два часа. Бутылка опустела на треть, в камине догорели последние угли, когда за дверью зимнего сада послышались шаги. Тихие, осторожные, словно крадущиеся. Замок щёлкнул, дверь приоткрылась, и в комнату скользнули две тени.

Виктория. И Хиггинс.

Ричард поднялся. Движение вышло резким, кресло отъехало назад с глухим стуком. Виктория вскрикнула и замерла на пороге, прижав руку к груди. Хиггинс, стоявший за её спиной, побледнел как полотно.

— Милорд... — начал он, запинаясь. — Я могу всё объяснить...

— Оставь нас, — голос Ричарда прозвучал низко и глухо. Он шагнул к ним, и Виктория невольно отступила. — С тобой, Хиггинс, я разберусь завтра.

— Но милорд, леди Уиндем ни в чём не виновата! — быстро заговорил дворецкий, пока Ричард выталкивал его за дверь. — У мистера Кросса жена рожала пятого ребёнка! Роды были тяжёлые, повитуха заболела и не смогла приехать! Леди Уиндем поехала помочь, она приняла роды, она...

— Довольно! — Ричард захлопнул дверь перед лицом дворецкого и запер её на засов.

В комнате повисла тишина. Он медленно обернулся.

Виктория стояла посреди гостиной — бледная, как призрак. Её платье было помято, рукава закатаны до локтей, на подоле темнело пятно — кажется, крови. Она смотрела на него огромными, измученными глазами, и по щекам её текли слёзы.

Ричард замер. Гнев, копившийся два часа, смешался с чем-то другим — с растерянностью, с облегчением, с острым стыдом за свои подозрения.

— Виктория, — выдохнул он, делая шаг к ней. — Прости. Я думал... Боже, я думал, ты была с кем-то. С женщиной.

Она покачала головой. Губы её дрожали.

— Нет, — прошептала она. — Я была с женщиной, которая могла умереть.

Эти слова ударили его, как пощёчина. Он подошёл ближе, взял её за плечи — осторожно, боясь причинить боль, — и заглянул в лицо. Она дрожала. Вся, с головы до ног, дрожала мелкой, изматывающей дрожью.

— Ты замёрзла, — сказал он, чувствуя, как гнев окончательно уступает место тревоге. — Садись. Вот сюда, на диван.

Он усадил её, налил в стакан немного виски и поднёс к её губам. Она глотнула, закашлялась, но дрожь немного унялась.

— Расскажи, — попросил он, опускаясь на корточки перед ней. — Расскажи всё.

И она рассказала. О том, как Хиггинс пришёл к ней накануне и сообщил, что у миссис Кросс начались роды раньше срока. Что повитуха слегла с лихорадкой. Что послали за доктором, но было ясно: он не успеет. И она, Виктория, не могла сидеть сложа руки и поехала.

— Роды были очень тяжёлыми, — говорила она, и голос её срывался. — Малыш родился очень слабым. Он почти не дышал. Я не знаю, выживет ли он.

Ричард слушал, и внутри у него всё переворачивалось. Она, его жена, которую он подозревал в измене, провела ночь, спасая жизнь женщины и младенца. Женщины, чей муж обворовывал её годами. И она не колебалась ни минуты.

— Тебе не следовало туда ездить, — тихо сказал он, но в голосе его не было упрёка. Только тревога и что-то ещё — что-то похожее на благоговение.

— Я знаю, — ответила она, не поднимая глаз. — Но я не могла иначе.

— Ты сущий ребёнок, — выдохнул он с неожиданной для себя нежностью. — Вечно лезешь туда, где опасно. Вечно спасаешь тех, кто тебя предал.

Она хотела что-то ответить, но снова задрожала, и он, не думая, привлёк её к себе. Обнял — крепко, но осторожно, как тогда, на мельнице.

— Мне нужно в библиотеку, — прошептала она, уткнувшись в его плечо. — Там должна быть медицинская книга. Я должна убедиться, что всё сделала правильно.

— Сейчас? В три часа ночи?

— Пожалуйста, Ричард.

Он вздохнул и поднялся, потянув её за руку.

— Пойдём.

В библиотеке было темно и прохладно. Он зажёл канделябр, и они вместе, при свете пяти свечей, отыскивали нужный том — потрёпанный, пахнущий старыми аптеками и пылью. Виктория лихорадочно перелистывала страницы, находила нужную главу, читала, хмурилась, кивала. Ричард стоял рядом и наблюдал за ней.

— Я всё сделала правильно, — выдохнула она наконец, закрывая книгу. — Всё так, как здесь написано.

— Конечно, — сказал он, забирая у неё том и откладывая в сторону. — А теперь спать. Ты едва стоишь на ногах.

Он проводил её до спальни. Она легла, не раздеваясь, только сбросив туфли и укрывшись до подбородка. Ричард, вместо того чтобы сесть в кресло, опустился на край кровати — осторожно, чтобы не потревожить. Он раскрыл медицинскую книгу и начал читать — ровным, спокойным голосом, которому сам удивлялся. Он не вникал в смысл написанного: все эти длинные латинские названия, схемы, описания были ему чужды. Важно было то, что она слушала. Что её дыхание становилось ровнее, а веки тяжелели.

— Ричард, — прошептала она, когда он уже думал, что она заснула.

— Да?

— Простите Хиггинса. Это я уговорила его помочь мне. Он не хотел послушаться вас, но я настояла.

Ричард помолчал, глядя на неё.

— Вы бы отпустили меня? — продолжала она. — Если бы я сказала вам правду заранее?

— Нет.

— А если бы отпустили — разрешили бы мне поехать?

— Тоже нет.

Виктория слабо улыбнулась.

— Я так и подумала. Поэтому решила сделать всё в тайне. — Она перевела дыхание. — Простите меня. И простите Хиггинса.

Ричард покачал головой и вдруг усмехнулся — коротко, уголками губ, но в этой усмешке не было ни горечи, ни сарказма. Только удивление.

— Вы всё же переманили моего дворецкого на свою сторону. Хиггинс служит мне пятнадцать лет и ни разу не нарушил ни одного приказа. А с вами не прошло и месяца — и он уже покрывает ваши ночные вылазки. Боюсь представить, что будет дальше.

— Ничего страшного, — пробормотала она, уже проваливаясь в сон. — Просто вы теперь не единственный, за кого он готов отдать жизнь.

Ричард замер. Эти слова, сказанные полушёпотом, ударили его глубже, чем он ожидал. Он смотрел на неё, уже спящую, и чувствовал, как где-то внутри рушится последняя стена.

Она закрыла глаза. Через несколько минут её дыхание стало глубоким и ровным. Но Ричард не ушёл.

Он остался сидеть на краю кровати, глядя на неё в мягком свете догорающей свечи. Сон смыл с её лица все тревоги. Она казалась младше, беззащитнее, чем в бодрствовании. Каштановые волосы разметались по подушке, и кончики их касались его руки.

Он смотрел и не мог отвести взгляд.

Кто она, эта женщина? Вдова, которую он считал заурядной и не приспособленной к жизни. Жена, которая плакала в его рубашку и просила пощадить обидчика. Хозяйка, которая тайком писала рецепты мази для старого дворецкого. Акушерка, которая ночью, рискуя собственной репутацией, поехала спасти жену своего врага. Она бросалась в опасность, не думая о себе. Она была доброй до безрассудства, смелой до глупости и удивительно, поразительно живой.

Он просидел так ещё долго — просто наблюдая, как поднимается и опускается её грудь, как дрожат ресницы во сне, как лунный свет скользит по её волосам. Потом наклонился, коснулся губами её лба — легко, почти невесомо, — поправил одеяло и бесшумно вышел из комнаты.

Он вернулся к себе, но спать уже не мог. Стоял у окна, смотрел на светлеющее небо и думал о том, что эта женщина снова перевернула всё, что он о ней знал. И что он, Ричард Харрингтон, который никогда никого не ревновал, сегодня едва не сошёл с ума от мысли, что она может принадлежать кому-то другому.

Глава 16

Утром Ричард сидел в кабинете, барабанил пальцами по столу, и ждал.

Дверь отворилась, и вошёл Хиггинс — бесшумный, как всегда, с бесстрастным лицом, но Ричард знал его достаточно долго, чтобы заметить: дворецкий напряжён. Плечи чуть приподняты, взгляд скользит мимо.

— Хиггинс, — голос Ричарда был тихим, но в этой тишине слышался металл. — Закрой дверь.

Дворецкий повиновался и замер у порога.

— Вчера ночью вы помогли леди Уиндем покинуть дом. Вы не предупредили меня. Вы нарушили прямой приказ — никто не покидает поместье после полуночи без моего ведома.

Хиггинс молчал. По его лицу нельзя было понять, о чём он думает.

— Вы служите нашей семье пятнадцать лет, — продолжал Ричард, и в голосе его прозвучала горечь. — Вы служили моему отцу, теперь мне. Я привык доверять вам, как самому себе. Но если вы ещё раз, слышите? — он подался вперёд, — если ещё раз вы поможете ей уехать тайком, не предупредив меня, я выгоню вас. Несмотря на все заслуги. Несмотря на то, что вы для меня сделали. Я вышвырну вас вон. Вы меня поняли?

Хиггинс выдержал его взгляд.

— Понял, милорд. — Пауза. — Но я бы и в следующий раз поступил так же.

Ричард вскинул брови.

— Потому что леди Уиндем просила меня молчать. А послушаться её — всё равно что послушаться вас. Она тоже моя госпожа. — Хиггинс слегка склонил голову. — И ещё, милорд: она ехала спасать жизнь. Если за это выгоняют, то я готов уйти с честью.

На несколько секунд в кабинете воцарилась тишина. Ричард смотрел на дворецкого — и вдруг усмехнулся. Коротко, уголками губ.

— Идите, Хиггинс. Вы мне ещё нужны.

Дворецкий поклонился и вышел.

Ричард откинулся в кресле, провёл рукой по лицу. «Переманила на свою сторону, — подумал он с неожиданным восхищением. — Даже Хиггинс... Что же ты за женщина, Виктория?»

В это же самое время Виктория проснулась.

Она долго лежала, глядя в потолок, прокручивая в памяти прошлую ночь: роды, слёзы, усталость — и Ричарда, который читал ей вслух, а потом поцеловал в лоб. Тепло разлилось по груди, и она поспешила одёрнуть себя.

В дверь постучали.

— Войдите.

Появилась Мэри — молоденькая служанка с румяными щеками.

— Доброе утро, миледи. Милорд распорядился приготовить для вас ванну. Вода уже горячая.

«Распорядился?» — Виктория удивилась. Это было так не похоже на их прежние, полные холодной вежливости отношения. Она кивнула, поднялась и прошла в ванную комнату.

Медная ванна парила, благоухая лавандой. Виктория погрузилась в горячую воду, закрыла глаза и позволила теплу расслабить мышцы. Мэри вымыла ей волосы, тихо напевая, и вышла, оставив госпожу одну.

Покой длился недолго.

«Ричард подумал, что я была с кем-то», — мысль пришла внезапно, острая, как порез стеклом.

Виктория резко села, расплескав воду. Сердце забилося чаще.

Он подозревал её. Вчера, когда смотрел таким тяжёлым взглядом, когда ждал её в малой гостиной — он был уверен, что она ездила к любовнику. К мужчине. Она, которая ни разу даже не подумала о другом мужчине.

Обида накрыла с головой — горячая, несправедливая. А следом пришла злость. Как он посмел? После их разговора, после того, как она сама предложила не переходить границы? Он сам их перешёл — ревностью, вниманием, поцелуем в лоб — и теперь смеет подозревать её?!

Она не помнила, как выскочила из ванны. Накинула сорочку, поверх — лёгкий халат, даже не завязав пояс. Мокрые волосы рассыпались по плечам, оставляя тёмные следы на ткани. Босиком, не чувствуя холода каменного пола, она выбежала из комнаты и понеслась по коридору к кабинету Ричарда.

Дверь была приоткрыта. Виктория распахнула её с размаху — и, не глядя по сторонам, выпалила:

— Ричард, как вы могли подумать, что я была с кем-то?! — голос её дрожал от обиды и гнева. — Я никогда бы не предала вас! Никогда! Даже если бы вы ни разу не дотронулись до меня!

Она перевела дух, чувствуя, как щёки горят, как сердце колотится где-то в горле.

И тут кто-то кашлянул.

Виктория обернулась.

У окна, прижав шапки к груди, стояли двое мужчин. Арендаторы. Они смотрели на неё с таким выражением, будто перед ними явилось привидение. Один из них — пожилой, с седыми бакенбардами — всё ещё держал руку у рта, прикрывая кашель.

Виктория почувствовала, как кровь приливает к щекам — теперь уже не от гнева, а от жгучего стыда.

— Простите... — прошептала она, пятась. — Я... прошу меня извинить.

Она выскочила в коридор и почти побежала к лестнице.

Ричард смотрел ей вслед.

Когда она ворвалась — мокрая, растрёпанная, в распахнутом халате, с развевающимися волосами, раскрасневшаяся от быстрой ходьбы и гнева, — у него перехватило дыхание.

Она была прекрасна.

Взбешённая, нелепая, невозможная — но невыносимо притягательная. Мокрые пряди прилипли к шее, халат съехал, открывая плечо. Глаза горели, губы дрожали от невысказанных слов.

Он хотел одновременно встряхнуть её хорошенько — и прижать к себе, зацеловать, задушить в объятиях.

Это желание ударило так сильно, что пришлось сжать кулаки под столом, чтобы не встать и не сделать что-то непоправимое прямо при арендаторах.

Она выбежала, оставив после себя запах лаванды и мыла.

Ричард перевёл дыхание и повернулся к ошолобевшим крестьянам.

— Прошу простить мою жену, — сказал он с таким видом, будто ничего не случилось. — Неотложное семейное дело. Подождите меня здесь, джентльмены, мы закончим через несколько минут.

Он вышел, не дожидаясь ответа, и быстрым шагом направился к лестнице.

— Виктория!

Она уже взбегала наверх. Услышав его голос, обернулась — и вместо того, чтобы остановиться, припустила быстрее. Со стороны это выглядело почти комично: она, босая, в развевающемся халате, несётся вверх по лестнице, как заяц от гончей.

Ричард догнал её на повороте. Схватил за руку, прижал к стене — и она замерла, глядя на него снизу вверх, с вызовом и страхом одновременно.

— Ты ворвалась в кабинет при посторонних, — сказал он низким, хриплым голосом, почти мурлыча. — В одном халате. С мокрой головой. И кричала о том, как сильно ты меня не предаёшь.

— Это потому, что вы... — начала она, но он не дал договорить.

Он наклонился и поцеловал её. Жёстко, страстно, с голодом, который копился в нём не один день. Одна рука сжимала её запястье у стены, вторая легла на затылок, запутавшись во влажных волосах. Он чувствовал её запах, её дрожь, её губы под своими — податливые и горячие.

На секунду он испугался, что она оттолкнёт его.

Но Виктория не оттолкнула. Она вцепилась в его плечи, приподнялась на цыпочки, прижимаясь всем телом, и ответила на поцелуй — так же жадно, так же отчаянно, словно тоже ждала этого момента всю жизнь.

Когда они оторвались друг от друга, оба дышали тяжело. Ричард всё ещё держал её, не отпуская.

— Сейчас я провожу гостей, — сказал он, и голос его сел до хрипоты. — И приду к тебе. Мы продолжим то, что начали. Не уходи никуда.

И ушёл — быстрым, решительным шагом, не оглядываясь.

Виктория осталась стоять у стены, прижав ладонь к пылающим губам.

«Он придёт», — сердце колотилось где-то в горле. — «Он придёт, и тогда...»

Паника накрыла её, как ледяной ушат.

«Если он придёт, если мы... он узнает. Он поймет, что я не... А если он спросит? А если я не смогу скрыть? А если тайна раскроется раньше, чем я успею всё исправить?»

Она метнулась в свою комнату, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, тяжело дыша.

Нет. Не сейчас. Он не должен узнать правду. Слишком рано. И она не должна позволить себе утонуть в чувствах к Ричарду.

Она не могла войти в его постель с ложью за плечами.

Виктория действовала быстро. Сбросила халат, выбрала простое шерстяное платье — то, в котором будет уместно показаться в бедном доме. Волосы, всё ещё влажные, кое-как заколола. Туфли на низком каблуке.

Она уже открывала дверь, когда в голову пришла мысль: корзина. Роженице нужны продукты, может быть, тёплая шаль.

Она сбегала на кухню, быстро собрала корзину — хлеб, сыр, кусок холодного мяса, бутылку молока, чистое полотенце, маленькую баночку мёда. Затем вышла в холл.

Ричард как раз провожал гостей. Он стоял у открытой парадной двери, пожимая руку последнему арендатору, когда услышал за спиной лёгкие шаги. Обернулся.

Взгляд его скользнул по её одежде — простой, дорожной, без единого украшения, — по корзине в руке, по влажным, собранным в пучок волосам. Он ничего не сказал, но в глазах мелькнуло удивление.

— Куда ты собралась? — спросил он негромко, когда гости скрылись за дверью.

— Я еду к миссис Кросс, — ответила Виктория, стараясь не встречаться с ним взглядом. — Проведать её и малыша. Вчера он был очень слаб. Я должна убедиться, что всё в порядке.

Ричард помолчал секунду.

— Я поеду с тобой.

Это было не предложение — утверждение.

Виктория подняла глаза. Он смотрел на неё с выражением, которого она не смогла понять.

— Хорошо, — кивнула она.

Верхом они добрались до фермы Кросса меньше чем за час. В корзине, притороченной к седлу Виктории, позвякивала бутылка молока. Ричард ехал следом, и всю дорогу молчал — но молчание это было не тяжёлым, а скорее задумчивым.

Домик Кросса стоял на отшибе, покосившийся, с почерневшей от времени крышей. Виктория спрыгнула с лошади, не дожидаясь, пока Ричард поможет, и постучала в дверь.

Открыл сам мистер Кросс — встрепанный, измученный, с красными глазами, будто не спал всю ночь. Увидев Викторию, он замер, а потом вдруг поклонился — низко, по-крестьянски.

— Миледи... Я... мы не ждали... Входите, ради Бога.

— Как миссис Кросс? Как малыш? — Виктория шагнула через порог, не обращая внимания на запах кислой капусты и дыма.

— Живы, слава Господу, — прохрипел Кросс. — Благодаря вам.

Внутри было темно и тесно. В углу, на широкой деревянной кровати, лежала бледная женщина с тёмными кругами под глазами. На руках у неё спал крошечный свёрток.

Виктория подошла к постели.

— Можно? — тихо спросила она.

Миссис Кросс кивнула, и Виктория осторожно взяла ребёнка на руки. Малыш был крошечным, но сегодня он дышал ровнее, кожа его порозовела, и он даже чуть шевелился, не просыпаясь. Глазки-щёлочки, крошечные пальчики, сжатые в кулачки.

Виктория облегчённо вздохнула — так глубоко, как не дышала с прошлой ночи.

— Он выглядит намного лучше, — прошептала она. — Вы кормите его?

— Каждые два часа, — устало ответила миссис Кросс. — Как вы велели.

Ричард, оставшийся у порога, смотрел на эту картину — на свою жену, стоящую в маленькой хижине, с чужим ребёнком на руках, с таким бережным, почти святым выражением лица, — и у него перехватило дыхание. Что-то острое, мучительное и сладкое кольнуло в груди. Ему вдруг отчаянно, до боли захотелось, чтобы она так же держала на руках их ребёнка. Его наследника. Маленькую девочку с каштановыми волосами или мальчика с её глазами.

Он почувствовал, что не может больше стоять на месте — слишком много чувств нахлынуло.

— Я подготовлю лошадей, — сказал он хрипло и вышел на свежий воздух.

Виктория ещё несколько минут побыла с роженицей, передала корзину с припасами, дала несколько советов по уходу за младенцем. Уже попрощавшись и направившись к двери, она услышала за спиной покашливание.

— Миледи, — окликнул её мистер Кросс. — Можно вас на пару слов?

Она обернулась. Кросс оглянулся на жену, потом на дверь, за которой исчез Ричард, и жестом пригласил её в угол комнаты.

— Я... — он мял в руках какую-то тряпицу, не глядя в глаза. — Я должен вам кое-что отдать.

Он полез за пазуху и достал потрёпанный кожаный мешочек. Развязал тесёмку и высыпал на ладонь монеты.

— Здесь сто двадцать фунтов, — тихо сказал Кросс. — Я копил их... ну, вы знаете, как. Обворовывал вас годами, миледи. И теперь мне так стыдно, что я больше не могу держать эти деньги у себя. — Он протянул мешочек дрожащей рукой. — Возьмите. Это ваше.

Виктория смотрела на монеты, и в голове её стремительно крутились мысли. Бриггс, кольцо, долг, тайна, которая душила её долгое время. Сто двадцать фунтов. Это больше, чем нужно, чтобы выкупить фамильную драгоценность.

Она отделила двадцать монет и вернула их Кроссу.

— Возьмите. Это вам — на молоко, на пелёнки, на дрова. — Она положила остальные монеты в карман платья и посмотрела на бывшего управляющего с неожиданной теплотой. — Я вас прощаю, мистер Кросс. По-настоящему. Но больше никогда не крадите. Ни у кого.

Кросс всхлипнул — коротко, — и кивнул, утирая глаза рукавом.

Виктория вышла из домика.

В кармане её платья тяжело позвякивали монеты — целое состояние и крошечный шанс исправить хотя бы обман с кольцом. Она выкупит его у Бригтса, теперь у неё были деньги.

Глава 17

Виктория вышла из домика Кросса, шурясь от яркого солнца. Она сделала глубокий вдох, намереваясь подойти к лошадям, но остановилась.

Ричарда у лошадей не было.

Он стоял чуть поодаль, у кромки леса, прислонившись плечом к старому раскидистому дубу. Взгляд его был устремлён куда-то вдаль, за поля, за горизонт, — такой далёкий и задумчивый, что Виктория на мгновение замерла, боясь потревожить.

Она не знала, о чём он думает. А он думал о ней.

«Она держала этого ребёнка, — мысль пульсировала в голове Ричарда, тёплая и настойчивая. — Так нежно, так бережно... Я хочу, чтобы она так же держала моего сына. Нашего сына».

Он вспомнил свет на её лице, когда малыш зашевелился у неё на руках. Вспомнил, как у него самого перехватило дыхание от желания — острого, почти болезненного. Она станет прекрасной матерью. А он станет отцом. И это сблизит их окончательно.

Ричард усмехнулся собственным мыслям. Ещё месяц назад он не хотел слышать о наследниках. А теперь...

— Вы готовы ехать? — раздался за спиной тихий голос.

Он обернулся. Виктория стояла в двух шагах, на солнце, и её волосы горели медью.

— Нет, — сказал он. — Сначала нам нужно поговорить.

Она удивлённо подняла брови, но кивнула. Ричард жестом пригласил её подойти ближе, к тени деревьев, где они могли говорить без свидетелей.

— Виктория, — начал он, глядя ей прямо в глаза. — Я помню, что сказал тебе в день нашего знакомства. Что наследники меня пока не интересуют.

Она молчала, только пальцы её теребили край рукава.

— Но сегодня, когда я увидел тебя в этом домике с ребёнком на руках... — его голос стал тише, глубже. — Я вдруг понял, что хочу от тебя наследника. Как можно скорее.

Кровь отхлынула от лица Виктории. Сначала — удивление. Потом — растерянность. А потом, за долю секунды, выражение её глаз сменилось на панический страх.

— Ричард, — прошептала она, отступая на шаг. — Пожалуйста... Давайте не сейчас. Может быть, позже...

— Не вижу смысла откладывать. — Он шагнул следом, и в голосе его прозвучала мягкая, но непреклонная твёрдость. — Я дал вам достаточно времени, чтобы привыкнуть ко мне. Не так ли? И, Виктория, это твоя прямая обязанность как жены — родить мне наследника.

Он не понимал. Он видел — она снова убегает, ускользает, прячется за вежливыми откказами, и это сводило его с ума. Почему? Он дал ей всё, что мог. Он защищал её, он отказался от Марианны, он почти признался ей в любви — а она по-прежнему ставила между ними стену. И тогда, в отчаянии, он решил прибегнуть к последнему, что у него оставалось, — к их проклятой сделке. К её условиям. К супружескому долгу.

Она смотрела на него огромными глазами, и Ричард видел: страх в них не наигранный. Настоящий, животный ужас. Она буквально побелела.

— Виктория, — он сделал ещё шаг и осторожно взял её за плечи. — Что с тобой? Чего ты боишься?

— Я... — она сглотнула, и голос её сорвался. — Я видела вчера все эти ужасы рождения ребёнка. Это мучение, Ричард. Я не хочу этого испытать. Я не хочу!

Он выдохнул — с облегчением, которого она не заметила. «Так вот в чём дело, — подумал он. — Она боится не близости со мной. Она боится боли и смерти».

— Но, Виктория, — сказал он мягко, проводя большими пальцами по её плечам, — ты уже родила двоих детей. Ты справилась тогда, справишься и сейчас. Твоё тело знает, что делать. И роды — это лишь временное мучение. Всё пройдёт, как только ты возьмёшь малыша на руки. Ты забудешь о боли. — Он помолчал, а затем добавил, почти шёпотом: — И я буду рядом с тобой. Если захочешь. Я обещаю.

На глазах Виктории выступили слёзы — крупные, прозрачные, покотившиеся по щекам.

— Ричард, — прошептала она умоляюще. — Пожалуйста, давайте отложим этот вопрос. Ещё не время. Прошу вас.

Он смотрел на её слёзы, на дрожащие губы, на то, как она сжимает край платья побелевшими пальцами. И что-то в нём перевернулось. Он больше не мог ждать. Не хотел ждать.

— Виктория, — он привлёк её к себе, обнял, прижал так, что она уткнулась носом в его грудь. — Я уже достаточно ждал. И ждать больше не могу. И не буду.

Она подняла на него заплаканные глаза. И вдруг почувствовала — так ясно, так остро, как никогда прежде, — что больше не может. Не может лгать. Не может убежать. Годы страха, одиночества и стыда, спрессованные в тугой комок где-то под сердцем, вдруг стали невыносимы. Он смотрел на неё с такой нежностью, с таким желанием понять и принять — и она поняла: если она сейчас снова оттолкнёт его, он уйдёт. Навсегда. И она останется одна — с правдой, которая никому не нужна.

И она решилась.

— Вы ведь не отстанете от меня, правда? — спросила она едва слышно.

— Нет. Об этом не может быть и речи. — Он улыбнулся уголком губ. — Сегодня, Виктория. Сегодня я приду к тебе.

Она закрыла лицо руками — и плечи её затряслись в беззвучных рыданиях.

Ричард растерялся. Он ожидал чего угодно — смущения, неловкости, даже гнева. Но не такого отчаяния.

— Виктория, — он осторожно отнял её руки от лица, заглянул в мокрые глаза. — Пожалуйста, скажи мне, что тебя беспокоит на самом деле. Это не только страх родов. Я чувствую. Что-то ещё.

Она всхлипнула, вытерла щёки тыльной стороной ладони и посмотрела на него — с такой мукой, что у него сжалось сердце.

— Я расскажу вам всё, — выдохнула она. — Но обещайте, что дослушаете до конца. И постараетесь понять меня. Прошу вас.

— Обещаю.

Она глубоко вздохнула, собираясь с силами, и начала. Голос её дрожал, срывался, но слова текли — как вода, прорвавшая плотину.

— В мою первую брачную ночь... Лорд Хортон пришёл ко мне. Я была тогда так юна — всего семнадцать. А он... он был старым. И некрасивым. И страшным. Я плакала. Умоляла его не трогать меня. — Она снова всхлипнула. — И он... он сжалился. Вы не поверите, Ричард, но он сжалился. Он не прикоснулся ко мне. И больше никогда не приставал.

Ричард слушал, не перебивая. Лицо его оставалось спокойным, но в глазах разгоралось странное, мягкое понимание.

— Но однажды, — продолжала Виктория, — он позвал меня в свой кабинет и сказал, что мне придётся играть роль жены и матери. Что у него будет ребенок от другой женщины — незаконнорождённый, но он хочет дать ему имя и наследство. И я... я согласилась. Я делала вид, что беременна. Дважды. Ходила с подушкой. А потом — якобы родила. — Она подняла на него заплаканные глаза. — Дети не мои, Ричард. Ни один из них. Я никогда не была замужем по-настоящему. Я никогда... никогда не была с мужчиной.

Она замолчала, опустив голову, и ждала. Ждала гнева, отвращения, презрения. Ждала, что он отшатнётся, назовёт обманщицей, скажет, что она недостойна быть его женой.

Но Ричард молчал.

Она подняла глаза.

Он улыбался.

Широко, искренне, с облегчением и нежностью — так улыбаются, когда с плеч падает тяжёлый груз. Глаза его светились, и он смотрел на неё так, словно она только что подарила ему величайший подарок.

— Торри, — тихо сказал он, и это непривычное, ласковое сокращение её имени прозвучало как музыка. — Торри, тебе не о чем беспокоиться.

Она замерла, не веря своим ушам.

— Я не буду портить жизнь детям лорда Хортон, — продолжал он. — Они не виноваты, что их отец так поступил. И они заслуживают любви и дома. — Он взял её лицо в ладони, вытирая большими пальцами слёзы. — Наоборот, я очень благодарен ему за то, что он так благородно поступил с тобой. Что не тронул. Что сберёг тебя для меня.

— Для... вас? — прошептала Виктория, и в голосе её прозвучало такое изумление, что Ричард рассмеялся — тихо, счастливо.

— Для меня, Торри. Ты слышишь? Ты не носила детей другого мужчины. Ты не знала другого мужчины. И я... — он замолчал, поражённый собственной мыслью. — Я буду первым. И единственным.

Виктория смотрела на него, не мигая, по щекам её текли новые слёзы — но теперь это были слёзы облегчения, слёзы нежности, слёзы нечаянного счастья.

— Вы не сердитесь? — спросила она едва слышно. — Вы не считаете меня обманщицей?

— Я считаю тебя самой храброй женщиной, которую я когда-либо встречал, — ответил он, и в его голосе не было и тени насмешки. — Ты спасла жизнь двум детям, которые не были твоими. Ты отдала им своё сердце. И сейчас ты спасаешь других — жену своего врага, чужого младенца. — Он поцеловал её в лоб. — Ты чудо, Виктория. Не иначе.

Она прижалась к нему, уткнувшись лицом в его плечо, и заплакала — уже свободно, не сдерживаясь, выплакивая годы страха, одиночества и стыда. А Ричард обнимал её, гладил по волосам и шептал что-то нежное и успокаивающее.

Об одном она умолчала. О Бригтсе. О кольце. Она не стала говорить. Не сейчас. Зачем омрачать этот момент? С этим она разберётся сама.

— А что теперь? — спросила она, отстранившись наконец.

— А теперь, — сказал он, заглядывая ей в глаза, — мы едем домой. И сегодня вечером, моя дорогая жена, ты станешь моей по-настоящему. Если, конечно, ты сама этого захочешь.

Виктория посмотрела на него — на его тёплые глаза, на его улыбку, на его руки, которые держали её так бережно, — и впервые за много лет почувствовала, что страх отступает.

Он поцеловал её — долго, сладко, обещая всё, что она не смела просить. Его руки скользнули с её талии вверх, к затылку, путаясь в волосах. Виктория не отстранилась — напротив, подалась ближе, отвечая робко, но осознанно, всем телом подавшись вперёд, — он прижал её крепче. Поцелуй стал глубже, жарче, в нём больше не было ни осторожности, ни сделки — только мужчина, который желал свою жену, и женщина, которая впервые в жизни перестала бояться этого желания.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба дышали тяжело. Ричард всё ещё держал её лицо в ладонях, большими пальцами стирая влажные дорожки слёз с её щёк.

— Спасибо, Ричард, что не сердись на меня, — прошептала она, всё ещё дрожа, но уже не от страха.

— Сердиться? На тебя? — Он покачал головой и усмехнулся. — Ты только что сделала меня счастливейшим из мужчин, Торри. Поедем домой.

Он помог ей сесть в седло, и его руки на мгновение задержались на её талии — дольше, чем требовалось. Затем легко вскочил на своего коня, и они тронулись.

Они ехали медленно, бок о бок, почти касаясь коленями. Солнце уже перевалило за полдень и золотило верхушки деревьев, ветер доносил запах нагретой травы и дикого шиповника. Ни он, ни она не произносили ни слова — да это и не требовалось. Молчание их было полным слов, которые ещё предстояло сказать.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.